

Со страницъ жизни.

I.

О богослуженіи.

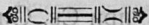
Русское православіе выросло и окрѣпло на обрядѣ. Обрядомъ началась русская вѣра при св. Владимірѣ, обрядъ занялъ центральное мѣсто при наивышемъ подъемѣ русской религіозной жизни въ наше средневѣковье, въ XV и XVI вѣкахъ, обрядъ же и въ настоящее время продолжаетъ считаться надежнѣйшимъ якоремъ церковнаго корабля. Казалось бы, что одна та выдающаяся роль, какую обряду суждено было сыграть въ нашей религіозной жизни, должна обеспечивать ему любовь, уваженіе и благоговѣніе со стороны русскаго народа. И—да—нашъ народъ любитъ обрядъ, чтитъ его и благоговѣтъ предъ нимъ. За это говорятъ и высокія колокольни, и тысячепудовые колокола, и малиновые звоны, и золотыя ризы на иконахъ, и кованныя священническія облаченія, и храмы при источникахъ водъ, и часовни съ крестами на перекресткахъ дорогъ, и т. дал. Но вмѣстѣ съ фактами любовнаго и благоговѣйнаго отношенія нашего народа къ обряду мы встрѣчаемъ факты и обратнаго порядка. Въ газеты сплошь и рядомъ проникаютъ извѣстія, что въ одномъ мѣстѣ мужикъ въ фанатическомъ ожесточеніи противъ всего святаго расколлъ икону на лучину, въ другомъ мѣстѣ изувѣрная женщина прожгла на иконѣ глаза святому, въ третьемъ мѣстѣ ограбили церковь, въ четвертомъ—похитили священные сосуды и драгоценныя украшенія съ церковныхъ святынь, въ пятомъ—осквернили алтарь, въ шестомъ—покушались взорвать мостъ по пути слѣдованія торжественной церковной процессіи и т. дал., и т. дал. У всѣхъ еще въ памяти знаменитое дѣло Чайкина и не менѣ знаменитое покушеніе на взрывъ Курскаго монастыря. Такія „дѣла“ находятъ свое отраженіе даже въ художественной литературѣ (наприм. „Савва“ Л. Андреева). Но

сколько каждый из нас наблюдает других болѣе мелких „дѣлъ“, которыя настолько обыденны, что оказываются скучными и для литературы и даже для газетъ. Припомните, напр., случаи появленія крестьянъ въ совершенно пьяномъ видѣ въ церкви для присутствованія при таинствѣ брака, случаи безшабашнаго разгула на могилахъ умершихъ, случаи грубаго оскорбленія священнослужителей и т. под.

Трудно перечислить всѣ до крайности сложныя и разнообразныя причины небрежнаго и—порой—кошунственного отношенія нашего народа къ обряду. Но справедливость требуетъ сказать, что въ данномъ случаѣ въ значительной мѣрѣ повинно и русское духовенство. Согласитесь: можетъ ли воспитать благоговѣйное отношеніе къ обряду такой священно-служитель, который, совершая богослуженіе, опирается на престолъ, какъ на барьеръ, ходитъ по храму изъ угла въ уголъ, то сметая пыль съ иконостаса, то отыскивая въ книжныхъ шкафахъ затерявшуюся брошюру, который чуть-ли не въ слухъ всего народа даетъ сторожу приказанія касательно своего домашняго хозяйства, произвольно сокращаетъ и еидоизмѣняетъ церковныя службы или—еще хуже—является къ службѣ недостаточно трезвымъ. Не такъ давно въ Симбирской епархіи пастырствоваль священникъ, позволявшій себѣ являться въ алтарь въ затрапезномъ костюмѣ и обращаться къ богомольцамъ съ замѣчаніями и вопросами самаго циническаго свойства. Между тѣмъ обрядъ имѣетъ всѣ права на уваженіе и не только по своей исторической роли, но и по самому своему положенію въ сферѣ религіозной жизни. По природѣ своей обрядъ представляетъ внѣшнюю форму выраженія религіозныхъ идей и религіознаго настроенія. Какъ таковой, обрядъ необходимо долженъ быть благолѣпнымъ, красивымъ, эстетичнымъ. Религіозныя переживанія по качественной своей сторонѣ наиболѣе чисты, тонки и возвышенны сравнительно со всѣми другими видами душевныхъ переживаній а потому и формы выраженія ихъ должны быть тонкими же, благородными, возвышенными и красивыми. Религіозная жизнь не можетъ выражаться въ грубыхъ или аляповатыхъ символахъ. Не даромъ Иисусъ Христосъ молился и благоговѣствовалъ то на берегу дивнаго по красотѣ Геннисаретскаго озера, то въ лодкѣ, убаюкиваемой морскими волнами, то среди покрытыхъ золотистыми нивами полей, то въ виду залитыхъ солнцемъ, ослѣпительно—блѣлыхъ стѣнъ Іерусалима. И вообще какъ въ ученіи, такъ

и въ жизни Иисуса Христа возвышенность и красота религіознаго содержанія оказывается тѣсно соединенной съ красотой формы. И у насъ идеальной высотѣ и святости вѣры должна соотвѣтствовать красота обрядовъ. При этомъ подъ обрядомъ мы понимаемъ не только технику богослуженія, какъ это бываетъ обычно, — въ область обряда мы относимъ и церковную архитектуру, и церковную живопись, и музуку церковную, о чемъ у насъ сплошь и рядомъ трактуютъ, какъ о чемъ-то выходящемъ за сферу церковнаго ритуала. Нѣтъ, если должно быть благолѣпнымъ и упорядоченнымъ совершеніе церковныхъ службъ, то благолѣпнымъ же и упорядоченнымъ должно быть и все, что является средствомъ внѣшняго выраженія религіозныхъ идей, чувствъ и порывовъ. Между тѣмъ въ какомъ состояніи находится у насъ церковное искусство?

(Продолженіе будетъ.)

Со страницъ жизни.

I.

О богослуженіи.

(Окончаніе).

Начнемъ съ архитектуры. У насъ удивительно мало выдающихся по архитектурѣ храмовъ. Въ очеркахъ о русской церковной архитектурѣ обыкновенно находятъ достойными упоминанія Софію Новгородскую, Софію Кіевскую, Исаакіевскій и Казанскій соборы въ С.-Петербургѣ, храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, Кіевскій соборъ Св. Владиміра, Кіевскую же церковь Андрея Первозваннаго, соборы въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, Томскѣ, Самарѣ и... только. Больше почти не о чемъ и упоминать. На десятки тысячъ русскихъ храмовъ это какъ будто не много. Не то мы видимъ въ мірѣ католическомъ. Не то въ мірѣ іудейства и даже — пожалуй — въ магометанствѣ. По исчисленію талмудистовъ, скинія Моисеева въ переводѣ на наши деньги стоила болѣе 7 мил. рублей. Десятками миллионовъ исчисляются расходы по постройкѣ знаменитыхъ католическихъ соборовъ, еврейскихъ синагогъ и под. Между тѣмъ считающійся у насъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ храмовъ соборъ св. князя Владиміра въ Кіевѣ стоилъ немногимъ болѣе 900000 рублей. Западъ далъ католической церкви такихъ зодчихъ, слава которыхъ проходитъ далъ воть уже стотысячъ вѣковъ, и блескъ созданій которыхъ не затемняется талантами новѣйшихъ художниковъ и тонкостью строительной техники XX вѣка. Кельнскій, Страсбургскій соборы, Венеціанская колокольня св. Марка, соборъ св. Петра въ Римѣ остаются такими же необыкновенными зданіями на улицахъ современныхъ европейскихъ городовъ, какими они были нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ. У насъ же — наоборотъ — большин-

ство церквей, напр., московскихъ, кievскихъ, положительно теряются на фонѣ другихъ городскихъ построекъ и, будучи какъ бы ущемленными между громадами жилыхъ домовъ, становятся совершенно незамѣтными. Таково положеніе церковной архитектуры въ нашихъ большихъ городахъ. Въ деревняхъ же не можетъ быть и рѣчи о церковной архитектурѣ. Здѣсь въ области церковнаго строительства всецѣло господствуетъ шаблонъ. При постройкѣ деревенскаго храма едва ли даже возникаетъ мысль о чемъ либо новомъ, смѣломъ и оригинальномъ въ отношеніи архитектоники. Въ деревнѣ строятъ храмы такъ, какъ строили раньше. Планъ одной деревенской церкви цѣликомъ копируется съ плана другой сосѣдней церкви. И въ общемъ въ нашихъ храмахъ — и городскихъ и, особенно, сельскихъ — и тѣсно, и темно, и душно, и почти не надъ чѣмъ поработать порывистой религиозной иысли.

Не лучше обстоитъ дѣло съ церковной живописью. Если у насъ не много насчитывается храмовъ, выдающихся по своей архитектурѣ, то еще меньше можно насчитать храмовъ, богатыхъ сокровищами живописи. Пожалуй не будетъ ошибки, если мы скажемъ, что такихъ храмовъ у насъ на всю Россію всего только три. Это Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ и только что отстроенный храмъ Воскресенія въ С.-Петербургѣ. Что же касается провинции и особенно захолустной деревни, то здѣсь до послѣдняго времени храмы снабжаются произведеніями пресловутыхъ суздальскихъ богомазовъ или же доморощенныхъ „живописцевъ“, пишущихъ чуть ли не всѣхъ святыхъ по одному типу и въ самыхъ надписяхъ иконъ дѣлающихъ до чрезвычайности нелѣпныя грамматическія ошибки. Не далѣе какъ въ прошломъ году въ Ардатовскомъ уѣздѣ нашей епархіи работалъ живописецъ, бравшій за написаніе иконы аршинныхъ размѣровъ что-то около двухъ рублей и исполнявшій ее въ періодъ времени отъ сорока минутъ до часу. Можно представить, что это было за „художество“...

Казалось бы, можно отдохнуть на церковной музыкѣ. Вѣдь у насъ такъ много церковныхъ хоровъ. Вѣдь русскій народъ такъ любитъ пѣть. И — однако — печальнымъ нужно признать и положеніе нашей церковной музыки. У насъ церковно-пѣвческій духъ такъ слабо развитъ, что руководители церковныхъ хоровъ даже въ большихъ городахъ до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ старинныхъ и чуждыхъ русскому слуху итальянскихъ

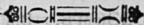
композицій Бальтазара Галуппи, Іосифа Сарти, нашего Веделя, Дегтерева и ихъ прежнихъ и теперешнихъ подражателей. Невниманіемъ къ тонкой художественной композиціи истинно-церковныхъ музыкантовъ наши церковные регенты тормозятъ развитіе церковной музыки, задерживая его на точкѣ замерзанія. Если такъ плохо положеніе церковной музыки въ большихъ городахъ, то въ уѣздахъ и деревняхъ церковное пѣніе поставлено въ положеніе болѣе чѣмъ рискованное. Люди, не получившіе не только спеціального, но и какого-либо образованія, оказываются здѣсь руководителями церковнаго пѣнія. вмѣсто печатанныхъ нотъ въ деревняхъ поютъ по рукописнымъ листочкамъ, въ которыхъ Бортнянскій и Турчаниновъ старательно поддѣлываются подъ вкусъ деревенскаго регента, солиста, а чаще — просто переписчика, и потому оказываются совершенно непохожими на самихъ себя. Но главный недостатокъ нашего церковно-пѣвческаго дѣла мы полагаемъ въ томъ, что у насъ — можно сказать — не существуетъ общаго пѣнія, которое и въ смыслѣ выраженія религиознаго чувства, и въ смыслѣ его возбужденія и поддержанія имѣетъ такое огромное значеніе. Войдите какъ-нибудь весеннимъ вечеромъ въ католическій костель, когда здѣсь отправляются торжественныя богослуженія въ честь Мадонны. Вы увидите плотную массу молящихся. Въ рукахъ у всѣхъ открыты молитвенники. Съ хоръ на толпу богомольцевъ падаютъ величественные и вмѣстѣ трогательные звуки органа. Ксендзь выпѣваетъ возгласы и самъ же запѣваетъ молитвы. При первыхъ же звукахъ запѣва тысячная толпа, какъ одинъ человекъ, опускается на колѣна, и изъ тысячи устъ, какъ изъ однихъ, раздаются слова пѣснопѣнія. Въ тысячахъ грудей вы чувствуете, въ собственномъ смыслѣ, одно сердце, и съ какимъ бы настроеніемъ вы ни вошли въ костель, какъ бы ни враждебно было ваше отношеніе къ католичеству, вы невольно умиляетесь... Извѣстно также, какую огромную и, въ извѣстномъ смыслѣ, благотворную роль играетъ церковное пѣніе въ религиозной жизни нашихъ сектантовъ. Ввести общее пѣніе въ церковный обиходъ составляетъ и нашу насущную потребность, и нашъ непремѣнный долгъ. Сильное впечатлѣніе производитъ на богомольца общее пѣніе и всегда вообще, но это впечатлѣніе можетъ быть и изумительнымъ по своей силѣ и благотворности въ такихъ богослужебныхъ моментахъ, какъ, напр., крестный ходъ вокругъ храма предъ пасхальной заутреней, молебствіе по поводу какого-либо

общественнаго — радостнаго ли, или же горестнаго — событія, публичное религіозно-нравственное чтеніе и т. под. И — необходимо замѣтить — организація церковнаго пѣнія не такъ уже затруднительна въ техническомъ отношеніи, какъ это обычно представляется. Не можетъ быть сомнѣнія, что всякій вѣрующій, болѣе или менѣе часто присутствующій за богослуженіями, знаетъ и текстъ наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, знаетъ и наиболѣе употребительные церковные напѣвы. Несомнѣнно также и то, что всякій присутствующій въ церкви богомолецъ непремѣнно хотѣлъ бы принять активное участіе въ богослуженіи. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ ждетъ только сигнала. Въ качествѣ иллюстраціи къ этому положенію не можемъ не указать на слѣдующій фактъ. Совсѣмъ на дняхъ священнослужители одного изъ Симбирскихъ храмовъ, задавшись цѣлью ввести общее пѣніе на религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, сдѣлали только то, что въ перерывѣ между чтеніями встали среди массы слушателей и, приглашая ихъ вторить ихъ голосамъ, запѣли наиболѣе извѣстное церковное пѣснопѣніе. Масса какъ будто этого только и ждала. Голоса священнослужителей сейчасъ же потонули въ морѣ голосовъ посѣтителей храма. Получилось пѣніе стройное и одушевленное. Такое значеніе можетъ имѣть иногда одно доброе желаніе, одинъ болѣе или менѣе увѣренный шагъ, одинъ сколько нибудь рѣшительный починъ. И это какъ вездѣ, такъ и въ дѣлѣ усовершенія церковнаго обряда. Больше святаго одушевленія! Больше смѣлой инициативы! А главное — не нужно забывать, что наши заботы о красотѣ и стройности церковнаго обряда должны направляться къ удовлетворенію не только современныхъ интересовъ вѣрующихъ, но и интересовъ будущихъ. Очень возможно, что вѣрующіе при теперешнемъ уровнѣ своего эстетическаго развитія въ достаточной степени удовлетворяются и той техникой богослуженія, и архитектурой, той живописью и музыкой, какія существуютъ въ наличности. Но нужно помнить, что въ послѣднее время необычайно быстрымъ темпомъ идетъ эстетическое развитіе *простого народа*. Вполнѣ вѣроятно, что не далеко то время когда, подобно теперешнимъ интеллигентамъ, и простой русскій мужикъ будетъ лѣниться ходить въ убогія деревенскія церковки, молиться на писанныя суздальскими богомазами иконы, слушать козлогласованія деревенскихъ пѣвцовъ и внимать непонятному боромтанію дьячка на клиросѣ даже потому только, что это будетъ

претить одному эстетическому его чувству. Повторяю, религиозныя чувства непременно требуют красоты въ формахъ своего выраженія.

Скажутъ, что хорошіе архитекторы, хорошіе копиисты Васнецовскихъ и Нестеровскихъ картинъ, хорошіе регента и печатныя изданія нотъ стоятъ слишкомъ дорого не только для деревенскихъ, но и для городскихъ церквей, что на все это у большинства церковныхъ старостъ просто нѣтъ денегъ. Съ прискорбіемъ соглашаемся, что это правда, но вмѣстѣ съ этимъ находимъ возможнымъ замѣтить, что—съ одной стороны—матеріальный недостатокъ очень часто можетъ восполняться личной энергіей, готовностью на жертвы и всецѣлой преданностью святому дѣлу, а—съ другой стороны—эта преданность дѣлу, эта энергія и это воодушевленіе могутъ иной разъ сами по себѣ оказаться источникомъ тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ избытковъ.

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

II.

О ПРОПОВѢДИ.

Наиболѣе сильнымъ проповѣдникомъ и вообще ораторомъ необходимо признать того, кто, зажигая мысль своихъ слушателей и возбуждая ихъ чувство, можетъ и волю ихъ склонить

не къ теоретическому только принятію проповѣдуемаго принципа, но и къ практическому его осуществленію. Такимъ образомъ, для проповѣдника и вообще для оратора наиболѣе важно овладѣть волею слушателей. Какъ уже дано замѣтить, проводниками къ волѣ оказываются мысль и чувство. Но въ разныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ эпохи значеніе этихъ проводниковъ не одинаково. Проповѣдники первыхъ вѣковъ христіанской церкви и даже Іоаннъ Златоустъ въ дѣлѣ воздѣйствія на волю слушателя вполнѣ могли разсчитывать на чувство. На зарѣ христіанства въ божественности христіанскихъ идей и въ подлинности христіанскихъ фактовъ не нужно было убѣждать посѣтителей храмовъ. Тогда для христіанскаго проповѣдника достаточно было одной ссылки на христіанскую мысль, одного категорическаго констатированія факта евангельской исторіи, чтобы сердца его слушателей исполнились умиленія, любви, восторга и жажды подвига. Возбужденіе чувства было надежнымъ путемъ къ волѣ христіанскихъ слушателей и въ средніе вѣка. И въ эту пору менѣе всего сомнѣвались въ томъ, что земля—это только временное пристанище странствующаго по долинамъ скорби челоуѣка, что подлинная его обитель—небо, и что назначеніе его—дѣла во имя Христова и ради ближняго. Средневѣковый проповѣдникъ могъ ограничиться одной ярко нарисованной картиной суетности и тлѣнности здѣшнихъ благъ, однимъ потрясающимъ изображеніемъ будущихъ мукъ и чарующимъ описаніемъ сладостнаго блаженства въ вѣчномъ и близкомъ созерцаніи Христова Лица, чтобы слушатели его сложили къ его ногамъ, какъ къ ногамъ Савонароллы, свое золото и серебро и дали передъ нимъ обѣты нищеты и послушанія.—Въ наше время и особенно въ наши дни положеніе христіанскаго проповѣдника радикально иное. Путемъ возбужденія чувства современному проповѣднику трудно подчинить себѣ волю слушателей. Энтузіазмъ самого проповѣдника легко можетъ разбиться о холодную стѣну маловѣрія и сомнѣнія слушателей. Прежде чѣмъ слиться съ проповѣдникомъ въ общемъ порывѣ религіознаго чувства и принять предлагаемый имъ тезисъ, современные слушатели захотятъ услышать отъ него разьясненіе своихъ недоумѣній, получить разьяненіе своихъ сомнѣній, захотятъ увидѣть въ его рѣчи доказательства истинности возвѣщаемыхъ имъ положеній. Выражаясь языкомъ древняго оратора, для того, чтобы *move* (двигать) волю современныхъ слушателей, проповѣдникъ

долженъ не *delectare* (улаждать ихъ), а больше *docere* (учить) и еще больше *argumentare*, доказывать имъ или убѣждать ихъ. Для проповѣдника нашего времени проводникомъ къ волеяго слушателей должно быть не чувство, а прежде всего и больше всего *мысль*. Отъ преимущественнаго обращенія проповѣдника къ мысли слушателей, къ убѣжденію ихъ, проповѣди совсѣмъ не можетъ угрожать опасность обратиться въ какую-то цѣпь логическихъ формулъ, сухихъ и холодныхъ. Нѣтъ. И новѣйшія данныя психологіи, и нашъ собственный опытъ говорятъ намъ, что мысль по тѣсной и—болѣе того—совершенно неразрывной связи съ чувствомъ и волей, особенно же мысль яркая, глубокая, сильная и твердо обоснованная, способна поднять настроеніе нашей психики до высшаго паѳоса. Извѣстно, до какихъ потрясающихъ эмоціальныхъ волненій и до какого рѣзкаго напряжения воли доводили многихъ ученыхъ ихъ выдающіяся открытія. Стоитъ припомнить Архимеда съ его знаменитымъ „эврика“, Галилея съ его «а всетаки вертится» и другихъ. И такъ, обращеніе къ мысли слушателей иди логическая аргументація положеній—вотъ что необходимо современному проповѣднику въ качествѣ факторовъ для пріобрѣтенія имъ власти надъ чужими волями.

Не нужно много говорить о томъ, въ чемъ же именно необходимо проповѣднику убѣждать современныхъ христіанъ. Сущность исповѣдуемой нами вѣры заключается въ признаніи Сына Человѣческаго Истиннымъ Сыномъ Божиимъ. И пока крѣпка наша вѣра въ Богочеловѣчество Иисуса Христа, твердо мы будемъ стоять и на всѣхъ второстепенныхъ пунктахъ вѣры. Но наша вѣра зашатается и ослабѣтъ во всемъ своемъ строѣ, едва заколеблется вѣра въ Христово Богочеловѣчество. Ясно поэтому, насколько важно обоснованіе мысли о Божествѣ Христовомъ въ наши дни, когда такъ обыкновенны и часты попытки оспорить и затушевать эту мысль. Раскрыть Божественное достоинство Христа, выявить величіе и полноту Его Божественнаго Духа, показать, что въ исторической личности Иисуса изъ Назарета жили и конкретно проявлялись вѣчныя и абсолютныя—духовныя начала Божественной жизни—это должно быть первой общей проповѣднической темой, которая должна давать питательные соки и всѣмъ остальнымъ частнымъ темамъ современной проповѣди. Д. Штраусъ („Старая и новая вѣра“) предлагалъ замѣнить религію наукой и искусствомъ и Христа—учеными, мысли-

телями, философами, художниками и поэтами. Въ наши дни религію пытается вытѣснить социализмъ, и Христа хотятъ замѣнить Марксомъ, Бебелемъ, Каутскимъ и др. Съ одной стороны Христось, съ другой — проповѣдники экономического материализма и социализма, — вотъ между Кѣмъ и кѣмъ борется современный челоувѣкъ. Понятно, что христіанскій проповѣдникъ хотѣлъ-бы, чтобы каждый изъ современныхъ тревожно настроенныхъ людей въ концѣ концовъ въ смиреніи и радости воскликнулъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ.“ Всякій христіанскій проповѣдникъ хотѣлъ-бы, что бы Христось побѣдилъ Маркса, Бебеля и др. и черезъ *его* недостойное проповѣдническое слово, чтобы эта побѣда Христова, давно уже совершившаяся разъ навсегда, проявилась и въ *его* церковномъ учительствѣ. Для достиженія такой побѣды проповѣднику вовсе не нужно проводить какія-либо параллели между Христомъ и Марксомъ. Уже одно сближеніе этихъ именъ не можетъ не звучать оскорбительно для христіанскаго слуха. Въ данномъ случаѣ для христіанскаго проповѣдника наиболѣе важно представить обаяніе Божественной личности Христовой съ положительной стороны, представить такъ, чтобы въ мягкихъ и животворныхъ лучахъ отъ нѣмъ ба Христова совершенно поблекли и стали незамѣтными блески мишурной славы кумировъ нашего времени. Нужно показать людямъ Солнце-Христа, и тогда по естественной необходимости свѣтъ всякихъ другихъ свѣтилъ поблекнетъ.

Другой общей проповѣдничеткой темой нашего времени долженъ быть вопросъ объ отношеніи христіанства къ экономической сторонѣ теперешней культуры. Думаю, что для всякаго болѣе или менѣе сознательнаго христіанина ясно, что поскольку Христось является благовѣстникомъ духовныхъ благъ, поскольку основанное имъ царство является царствомъ духовной же свободы, христіанство не можетъ входить въ сколько нибудь близкое разсмотрѣніе разнообразныхъ деталей въ области земного благоустройства: Христось не считалъ Себя призваннымъ рѣшать споръ братьевъ по вопросу о наслѣдствѣ. Но — съ другой стороны — поскольку евангеліе является благой вѣстью для людей, живущихъ на *земли*, и служить для нихъ маякомъ по пути къ небу именно *отъ земли*, и поскольку Самъ Христось училъ о полномъ вниманіи къ голоднымъ, страждущимъ и находящимся въ темницѣ, христіанство по принципамъ своимъ не можетъ, очевидно, быть и тормозомъ для современнаго эконо-

мического прогресса. Получается, такимъ образомъ, что если наша жизнь по матеріальной своей сторонѣ несовершенна и бѣдна, если въ ней много грязи и нищеты, разныхъ безобразій и всяческаго уродства, то въ этомъ виноваты не Христось и не христіанство, потому что ни Христось, ни христіанство не благословляютъ физическаго убожества жизни; но — съ другой стороны — незаконно думать и такъ, что Христось или христіанство должны диктовать тексты конституцій для современныхъ государствъ, издавать фабричныя законы и указывать лучшія формы рабочихъ и всякихъ другихъ коопераций. Какъ выражается проф. Гарварварскаго университета Пибоди, Христось и христіанство смотрятъ на всѣ человѣческія отношенія „von oben“, сверху, и даютъ для нихъ лишь общіе руководящіе принципы, и весь трагизмъ современной жизни заключается въ томъ, что разные наши культуртрегеры во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и работахъ какъ-будто намѣренно стараются уйти отъ руководящихъ христіанскихъ принциповъ возможно дальше.

Имѣя же въ виду сѣрую массу самого народа, необходимо сказать, что здѣсь для проповѣдника кромѣ указанныхъ, или — лучше — во главѣ указанныхъ, темъ нужна еще особая *третья* тема. Скептицизмъ даже касательно основныхъ догмъ христіанства и потребность освѣтить съ христіанской точки зрѣнія экономико-практическіе вопросы современности замѣтны и среди сѣраго деревенскаго люда. Но, такъ сказать, отъ самой колыбели своего историческаго бытія воспитанный въ вѣрѣ и съ самыхъ младенческихъ дней своихъ окруженный атмосферой идеальныхъ нравственныхъ началъ, народъ нашъ и въ самомъ скептицизмѣ своемъ и среди всеобщей современной экономической сумятицы какъ-то инстинктивно чувствуетъ, что какъ бы то ни было, а вѣра всетаки нужна; что какъ бы ни плохо жилось въ настоящее время въ матеріальномъ отношеніи, а жить всетаки нужно по-Божески, по совѣсти. Христа, Бога своего, и правдую матушку народъ нашъ любитъ крѣпче всего, любитъ не столько сознаниемъ, сколько сердцемъ. И если народъ нашъ не всегда живетъ по дорогой ему правдѣ Божіей, то главнымъ образомъ потому, что въ тяжелыхъ условіяхъ своей жизни онъ до сихъ поръ не успѣлъ еще воспитать крѣпости своей воли. Отъ слабости воли народной происходитъ тотъ разладъ между вѣрой и дѣломъ, какой мы такъ часто наблюдаемъ въ жизни нашей деревни. Отсюда постоянныя внутреннія терзанія и скорбь нашего

народа за себя и за свои грѣхи, отсюда его до необычайной степени напряженная жажда молитвеннаго подвига и покаяннаго поста: при вѣрѣ своей народъ нашъ смиренно сознаетъ свои грѣхи и свою слабость и любитъ, хочетъ каяться, хочетъ онъ при этомъ и исправленія, алчетъ новой и совершенной жизни. Поэтому такъ дороги были всегда нашему народу примѣры нравственнаго возрожденія и духовнаго совершенства изъ жизни святыхъ. Въ геройствѣ мучениковъ, въ самоотверженіи исповѣдниковъ, въ терпѣнннхъ пустынниковъ народъ нашъ всегда черпалъ живительныя силы для борьбы со своею слабостью. Воодушевленіе на дѣла благія и до сихъ поръ ищетъ нашъ народъ въ житіяхъ святыхъ. По свидѣтельству многихъ мѣстныхъ пастырей, рассказами изъ жизни святыхъ нашъ деревенскій людъ заслушивается и зачитывается и въ наше сумбурное время. Такимъ образомъ, подвиги святыхъ Божиихъ челоѡковъ—вотъ та третья тема, которую передъ народной деревенской массой въ широкихъ размѣрахъ можетъ и долженъ использовать современный проповѣдникъ. Эту тему многіе изъ представителей нашего времени склонны всячески осмѣивать. Не такъ давно на страницахъ одной изъ Симбирскихъ газетъ была помѣщена замѣтка, гдѣ довольно цинично вышучивался рассказъ изъ житія св. Іоанна архіепископа Новгородскаго, будто этотъ святой ѣздилъ верхомъ на бѣсѣ. Очень можетъ быть, что авторъ замѣтки или слышалъ этотъ рассказъ изъ проповѣди, или читалъ его въ какомъ-нибудь религіозно-назидательномъ листкѣ. Если это такъ, то мы не можемъ не пожалѣть, что въ нашихъ проповѣдяхъ и назидательныхъ листкахъ иногда за истину выдается то, что въ собственномъ смыслѣ истиной названо быть не можетъ. Просматривая житіе св. Іоанна Новгородскаго по Ч.-Минеямъ м. Макарія, мы находимъ, что здѣсь противъ рассказа о ѣздѣ святаго на бѣсѣ на полѣ помѣчено: „легенда“. Отъ того, что автору замѣтки легенда была предложена какъ фактъ, онъ кощунственно засмѣялся и бросилъ грѣховное обвиненіе въ лицо всему нашему пастырству, всей церкви и всей вѣрѣ. Очень часто бываетъ, что, усумнившись въ маломъ, челоѡкъ начинаетъ сомнѣваться и въ великомъ, даже во всемъ. И горе всякому, а тѣмъ болѣе проповѣднику, который является причиной такого страшнаго соблазна.

Н. Колосовъ.

(Окончаніе будетъ).

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

II.

О ПРОПОВѢДИ.

(Окончаніе).

Мы указали на характеръ, какимъ должна быть проникнута современная проповѣдь, намѣтили общія темы для этой проповѣди, но—понятно—такими нашими указаніями вопросъ о проповѣди далеко еще не исчерпывается. Мало знать, что въ проповѣди должно быть больше логики, мало и умѣнья успѣшно разрѣшать насущные вопросы современности. Нужно еще умѣть пользоваться тѣми методами, путемъ которыхъ проповѣдникъ можетъ вѣрнѣйшимъ и легчайшимъ образомъ воздѣйствовать на своихъ слушателей въ желательномъ для него смыслѣ. О методикѣ проповѣдничества у насъ очень много трактуется спеціальная богословская дисциплина—гомилетика. Но до сихъ поръ эта дисциплина больше обращала вниманіе на архитектуру проповѣдническаго слова, на соразмѣрность и стройность его частей, на правильность и красоту стиля, на библеизмъ и помазанность внутренняго содержанія и т. под. И—конечно—все это очень важно и очень нужно въ проповѣдническомъ словѣ. Но важно и нужно также и то, чтобы красивое со стороны архитектуры и дышущее библейскимъ духомъ изнутри проповѣдническое слово падало на рыхлую почву, чтобы оно живымъ и убѣдительнымъ языкомъ говорило сознанію слушателей, чтобы волновало и жгло ихъ сердца и направляло ихъ волю къ дѣйствию. А для этого нужно знать психологію и умѣть пользоваться психологическими способами воздѣйствія одной личности на другую. Изъ книги по этому вопросу американскаго психолога Б. Сидиса мы узнаемъ, что лучшими ораторскими произведеніями являются именно тѣ, въ которыхъ ораторы или сознательно, или просто инстинктивно пользовались тонкими, но вмѣстѣ необычайно цѣнными указаніями психологіи относительно воздѣйствія одной личности на другую. По изслѣдованію Сидиса, въ цѣпи извѣстныхъ впечатлѣній наиболѣе сильное дѣйствіе производятъ на насъ тѣ, которыя стоятъ въ началѣ цѣпи, въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ чередуются на всемъ ея протяженіи и, занимая положеніе въ концѣ цѣпи, какъ бы замыкаютъ ее. По собственному опыту знаемъ мы, что значитъ *первое* впечатлѣніе. По первому впечатлѣнію мы рѣшаемъ, можно или

нельзя пустить извѣстнаго человѣка въ нашъ домъ. По первому впечатлѣнію опредѣляются наши симпатіи или антипатіи къ тому или другому человѣку. Уже по первому выступленію пѣвца или артиста на сценѣ, по самой его походкѣ, по манерѣ держаться, по первымъ звукамъ его голоса мы склонны судить объ его дарованіи и обо всѣхъ его достоинствахъ. Что такое *последнее* впечатлѣніе, мы тоже знаемъ. Въ спорѣ побѣдителемъ часто считается сказавшій послѣднее слово. Послѣдніе звуки въ аріи пѣвца способны заставить насъ забыть о всѣхъ предыдущихъ недочетахъ въ исполненіи артиста. Въ толпѣ двигаетъ и побуждаетъ гражданъ къ дѣйствию сказавшій послѣднюю зажигательную рѣчь. Изъ всѣхъ же способовъ воздѣйствія одной личности на другую самымъ дѣйствительнымъ, могущественнымъ и успѣшнымъ является—по Сидису—извѣстное и—какъ уже мы замѣтили выше—строго опредѣленное чередованіе впечатлѣній. Въ стѣнахъ Нью-Йоркскаго университета Сидисъ производилъ слѣдующіе опыты. Собралъ довольно значительное количество своихъ учениковъ и паціентовъ, Сидисъ ставилъ предъ ними экранъ, на которомъ на нѣсколько секундъ появлялись цифры, расположенныя въ различныхъ комбинаціяхъ. Цѣль опытовъ заключалась въ томъ, чтобы узнать, при какомъ порядкѣ цифръ будетъ найдена опредѣленная, «задуманная» Сидисомъ, цифра. Послѣ многократныхъ опытовъ, произведенныхъ надъ объектами различнаго возраста, положенія, характера и темперамента, обнаружилось, что только при одномъ опредѣленномъ порядкѣ цифръ намѣченный Сидисомъ знакъ врѣзывался въ сознание и память его объектовъ наиболее глубоко и твердо. Такъ при намѣченной Сидисомъ цифрѣ 2 порядокъ этотъ имѣлъ слѣдующій видъ: 5. 2. 8. 2. 4. 2. 9. 6. 2. Изъ всѣхъ въ высшей степени любопытныхъ выводовъ Сидиса, какіе онъ сдѣлалъ на основаніи точныхъ психологическихъ наблюдений, мы здѣсь привели лишь очень немногіе. Но и по этимъ немногимъ выводамъ можно судить, что—дѣйствительно—лучшіе наши проповѣдники—древніе и новые—можетъ быть незамѣтно для нихъ самихъ согласовались въ своей проповѣднической дѣятельности съ психологическими данными относительно воздѣйствія одной личности на другую. Такъ, анализируя, напр., знаменитое слово на первый день Пасхи св. Іоанна Златоуста «аще кто благочестивъ», мы видимъ, что основная мысль слова о необходимости торжества и ликованія въ день Воскресенія, открывая собою слово

(первое впечатлѣніе), чередуется на всемъ протяжении его въ близкой указанной Сидисомъ послѣдовательности, и эта же мысль съ особой силой и экспрессіей заключаетъ слово (послѣднее впечатлѣніе). Само собою разумѣется, что знаніе указываемыхъ Сидисомъ и вообще новѣйшей психологіей способствій воздѣйствія одной личности на другую само по себѣ далеко еще недостаточно для того, чтобы обезпечить проповѣднику полный успѣхъ и увѣнчать его лаврами; но—тѣмъ не менѣе—это знаніе не можетъ не оказать ему нѣкоторыхъ очень значительныхъ услугъ, а потому—думаемъ—игнорировать указанныя психологическія данныя едва ли позволительно для современнаго проповѣдника. Часто говорятъ, что въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества разнаго рода теоріи и методическія указанія не только совершенно излишни, но иногда и прямо вредны. Они, говорятъ, безъ нужды связываютъ проповѣдника, сдвигаютъ его вдохновеніе, мѣшаютъ свободному развитію его ораторскаго творчества. Утверждаютъ, что сила проповѣди заключается не въ ея красотѣ и стройности, а въ силѣ вѣры и искренности проповѣдническаго порыва. О. Тихоцкій въ эскизѣ свящ. Петрова „День за днемъ“ говоритъ, что „съ церковной кафедры нужна не игра, а проповѣдь, не красивое, а властное сильное слово. Проповѣднику—говоритъ Тихоцкій—надо запастись богатствомъ Духа Божія. Пастырь-проповѣдникъ не актеръ. Его слово—огонь и свѣтъ, а для этого надо, чтобы у него самого прежде всего сердце горѣло любовью къ Богу, къ людямъ, къ Божіей правдѣ и къ его немощной паствѣ. Чего нѣтъ въ себѣ, того нельзя дать другимъ. Намъ-пастырямъ нужна прежде всего обработка собственной души, а не обработка ораторскаго языка. Сердцу можно только говорить сердцемъ». Нельзя не согласиться, что пастырь въ томъ лишь случаѣ можетъ рассчитывать на успѣхъ своей проповѣди, когда онъ вѣритъ и любитъ. Намъ даже кажется, что объ этомъ излишне и говорить. Зачѣмъ говорить о томъ, что человекъ, прежде чѣмъ достигнуть какой-нибудь цѣли, долженъ быть живымъ? Это ясно само собой. Но вмѣстѣ съ этимъ нужно—однако—сказать, что одной вѣры и любви, одной сердечности и искренности въ проповѣдникѣ мало. Нужно еще умѣть передать свою искренность другимъ. И отнимать въ дѣлѣ этой передачи всякое значеніе у слова,—орудіемъ мысли и чувства,—болѣе чѣмъ странно! Сердце сердцемъ, а слово

словомъ. Что и говорить: для того, чтобы быть поэтомъ, конечно, прежде всего нуженъ талантъ и вдохновеніе. Но не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что и сильный поэтический талантъ, не получившій надлежащей эстетической обработки, можетъ или совершенно заглухнуть, или уже проявить себя въ формахъ, далеко не соответствующихъ его внутреннему достоинству. Для исхода нашихъ внутреннихъ настроеній должны быть приготовлены гладкіе пути. Это несомнѣнно относительно поэтовъ, о которыхъ говорятъ, что они nascuntur (рождаются); тѣмъ болѣе, слѣдовательно, это должно быть справедливо относительно проповѣдниковъ, о которыхъ, какъ и вообще объ ораторахъ, говорятъ, что они fiunt, т. е. рождаются, обрабатываются. Проповѣдническіе таланты знаменитыхъ ораторовъ древней церкви выработывались въ школахъ языческихъ риторовъ. Всякій сколько нибудь выдающійся проповѣдникъ и позднѣйшаго времени былъ непременно широко образованъ эстетически. Самъ св. Петръ послѣ одной изъ блестящихъ своихъ бесѣдъ въ многолюдномъ собраніи въ Петербургѣ на вопросъ одного Симбирскаго священника, чему онъ обязанъ исключительной обаятельностью своего ораторскаго дара, отвѣчалъ: «я много работалъ надъ собой». Повторяемъ: „oratores fiunt“.

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

III.

О церковной школѣ.

Общеизвѣстны нападки на нашу церковную школу. За послѣднее время онѣ особенно участились и обострились. Депутатъ Сурковъ, при обсужденіи вопроса объ ассигнованіи на церков-

ныя школы (4½ мил. руб.), называль ихъ не просвѣтительными учрежденіями, но „коптилками“ и „духобойнями“. Съ такого рода взглядомъ на церковную школу мы рѣшаемся не согласиться. Будемъ сначала разсуждать теоретически. Намъ думается, что считать церковныя школы коптилками или духобойнями только по тому одному, что онѣ находятся въ вѣдѣніи духовенства, едвали основательно. Что бы о нашемъ духовенствѣ ни говорили, оно—тѣмъ не менѣе—является однимъ изъ наиболѣе культурныхъ слоевъ русскаго общества. Съ самаго начала русской общественной жизни духовенство наше возглавляло дѣло народнаго просвѣщенія. Оно учило и съ церковной кафедры, и въ школахъ при архіерейскихъ домахъ, и въ монастырскихъ кельяхъ, и т. д. Служило духовенство дѣлу просвѣщенія и путемъ литературнаго слова. На зарѣ русской культуры церковь была для русскаго народа не только школой, но и колыбелью гражданственности. Эта роль не отходила отъ нашей церкви и на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи русской исторіи. Въ большей или меньшей степени церковь *всегда* была просвѣтительнымъ народнымъ институтомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что духовенство сроднилось съ дѣломъ просвѣщенія, полюбило знаніе и книгу, срослось съ грамотой. Въ своей собственной средѣ духовенство рѣшительно не терпитъ невѣжества. Мужскія духовныя школы съ давнихъ уже поръ стоятъ на крѣпкихъ основахъ. Раньше чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, въ болышомъ количествѣ появились у насъ спеціальныя духовныя женскія школы. Въ настоящее время т. наз. епархіальныя женскія училища существуютъ не только въ губернскихъ городахъ, но и въ уѣздныхъ. Ни въ мужской, ни въ женской половинѣ духовнаго сословія вы не найдете почти ни одного неграмотнаго. Даже самый захолустный причетникъ при всемъ своемъ нищенствѣ тянется къ свѣту и изъ силъ выбивается, чтобы дать своимъ сыновьямъ и дочерямъ приличное образованіе. Столѣтіями имѣя дѣло съ учительствомъ и съ книгой, наше духовенство, такъ сказать, впитало въ себя книжный духъ, обратило его въ свою плоть и кровь, сдѣлало его своей стихіей. Культурный человѣкъ, воспитанный въ атмосферѣ высокой гуманности и тонкой деликатности, по простой психологической необходимости отвращается отъ всего, что носитъ на себѣ печать невѣжества и грубости и— вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ или иначе пе-

редаеть свою культурность тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится соприкасаться. Точно также и духовенство, искони будучи грамотно *само*, по психологической же необходимости не можетъ равнодушными глазами смотрѣть на *окружающую* его темноту и не можетъ не насаждать въ народѣ грамотности и знаній. Какъ семинаристъ съ давней поры и въ литературѣ и въ обществѣ представляется олицетвореніемъ отвлеченнаго знанія и вообще книжности, такъ и дьячекъ, обучающій ребятишекъ азбукѣ и пѣнію на клиросѣ, представляетъ собою лицо *тишнское*. И церковная школа возникла главнымъ образомъ какъ естественный плодъ исконнаго стремленія нашей церкви и нашего духовенства не только освящать нашъ народъ молитвой и благословеніемъ, но и просвѣщать его свѣтомъ знанія. Церковная школа—это живое порожденіе церкви, это родное ея дитя, а потому духовенство уже по чисто психологическимъ мотивамъ не можетъ обращать церковную школу въ копилку или духовойню.

И тѣмъ болѣе не можетъ дѣлать этого духовенство, что при нормальной постановкѣ въ церковной школѣ учебнаго дѣла послѣдняя должна служить практическимъ интересамъ самого же духовенства. Начальное образованіе представляетъ у насъ реально существующій фактъ. Съ каждымъ годомъ дѣло начальнаго образованія принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Въ недалекомъ же будущемъ, со введеніемъ проектируемаго всеобщаго обученія, оно готовится стать грандіознымъ. И помѣшать необычайно быстрому росту просвѣтительнаго дѣла духовенство не могло бы, конечно, даже при наличности у него соотвѣтствующаго невѣроятнаго желанія. А если бы наше духовенство дѣйствительно было враждебно настроено къ дѣлу просвѣщенія, то единственно что оно могло бы сдѣлать въ своихъ интересахъ—это использовать грамотность и книгу въ качествѣ проводниковъ своихъ религіозныхъ и церковныхъ идей. Но въ этомъ случаѣ не искорененіе или ослабленіе грамотности было бы нужно для духовенства, а —наоборотъ—насажденіе и развитіе ея. Истинное просвѣщеніе и правильно поставленная грамотность не враги религіи, церкви и духовенства, а ихъ опора и поддержка. Это подтверждается и исторіей. Въ ту пору, когда западно-русскую церковь обуревало католичество, угрожая ей уніей, западно-русское духовенство обратилось не къ чему либо, а къ просвѣщенію и книгѣ: оно организовало духовно-просвѣ-

тительныя братства, воздвигало низшія, среднія и даже высшія школы, посылало своихъ дѣтей для образования на просвѣщенный Западъ, усиливало свою проповѣдническую и ученую литературную дѣятельность и т. под. Итакъ, духовенство не могло бы сколько нибудь невнимательно относиться къ своей школѣ даже при условіи враждебнаго отношенія къ просвѣщенію вообще. Депутатъ Сурковъ говорилъ, что нашимъ священникамъ не особенно нравится, чтобы „стоящій у станка рабочій былъ человекомъ образованнымъ, потому что въ темной водѣ лучше можно ловить рыбу“. Неиспоримъ: можетъ быть въ темной водѣ и лучше ловить рыбу, но вѣдь какъ бы духовенство ни хотѣло задерживать муть въ русской жизни, притоки чистой свѣжей воды всетаки будутъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ больше. Допустимъ, что духовенство устраиваетъ изъ церковной школы коптилку, но вѣдь рядомъ съ коптилкой существуетъ настоящій свѣточъ — земская школа. Гдѣ же тутъ мутная вода? Допустимъ далѣе, что духовенство старается сгустить темноту надъ деревней; но вѣдь кромѣ деревни существуютъ фабрики, заводы, города, столицы съ гимназіями, спеціальными образовательными заведеніями, съ народными аудиторіями, съ университетами и такъ далѣе. Гдѣ же тутъ мутная вода? Другое дѣло, если бы духовенство хотѣло обратить въ коптилки гимназіи, университеты и проч. Но вѣдь этого нѣтъ! Духовенство желаетъ учить только тамъ, гдѣ оно учило всегда по силѣ исторически-сложившихся обстоятельствъ, гдѣ въ учительствѣ его до сихъ поръ была и теперъ остается особенно острая нужда, гдѣ просвѣтительная работа духовенства является не новымъ чѣмъ-либо или искусственно сочиненнымъ, а существующимъ искони и имѣющимъ корни въ естественной связи духовенства съ народомъ.

Н. Колосовъ.

(Продолженіе будетъ).

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

IV.

О церковной школѣ.

(Продолженіе).

Отъ общихъ разсужденій обратимся къ фактамъ практической жизни.

Очень можетъ быть, что если бы у насъ церковная школа представляла собою единственный типъ начальной школы, то на нее или совсѣмъ не было бы нападковъ, или были бы нападки какіе-либо другіе, чѣмъ въ настоящее время; но теперь нападаютъ на церковную школу, рассматривая ее, такъ сказать, на фонѣ другихъ школъ—земской и министерской. Потому говорить, что въ церковной школѣ все плохо, что уже очень хорошимъ находятъ все въ школахъ земскихъ и министерскихъ. Но попробуемъ сравнить школу церковную и земскую: дѣйствительно ли здѣсь такъ велика разница, какъ это обычно представляется? Обратимся къ программамъ той и другой школы. Какъ оказывается, здѣсь не существуетъ почти никакой разницы. Одинаковые предметы, одинаковое число дополнительныхъ уроковъ по географіи, отечественной исторіи, по ремесламъ,—все это сближаетъ церковную и земскую школы, можно сказать, до тождественности. При обсужденіи вопроса о церковной школѣ въ Государственной Думѣ эта тождественность была ясно показана въ рѣчахъ епископовъ Евлогія и Митрофана, а также въ рѣчахъ о. Гепецкаго, депутата Масленникова и отчасти Бѣлоусова. Нѣсколько обширнѣе въ церковной школѣ программа Закона Божія и церковно-славянскаго языка, но при добросовѣстности работы и земскій законоучитель легко восполняетъ недостающее въ его программѣ и доводитъ ее до такой же полноты, какъ и программа церковной школы, а иногда и боль-

шей. За самыми незначительными исключениями и учебники, равно какъ и учебныя пособія, въ церковной и земской школѣ совершенно одинаковы. Изданія, одобренныя училищнымъ при Св. Синодѣ совѣтомъ, сплошь и рядомъ одобряются и министерствомъ народнаго просвѣщенія, равно и наоборотъ — министерскія изданія или изданія, принятыя министерствомъ, удостоиваются одобрения и со стороны Св. Синода. Что касается педагогической подготовки учащихся въ начальной школѣ разныхъ типовъ, то здѣсь тоже нѣтъ рѣзкаго различія. По относящейся сюда сравнительной статистикѣ видно, что, напримѣръ, за 1906 учебный годъ въ церковныхъ одноклассныхъ школахъ правоспособныхъ учителей, т. е. имѣющихъ званіе народнаго учителя, было 82,80%, процентъ же правоспособныхъ учителей въ земскихъ и министерскихъ школахъ доходилъ до 93. Не можетъ быть сомнѣнія, что указанная разница была бы и еще незначительнѣе, если бы церковныя школы были такъ же обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, какъ школы земскія или министерскія. Руководясь взглядами журналовъ и газетъ извѣстнаго направленія, можно думать, что церковныя и земскія школы живутъ какимъ-то своимъ особымъ духомъ, что онѣ преслѣдуютъ свои спеціальныя цѣли, что на этой почвѣ между учащими въ различныхъ школахъ создается вредный для педагогическаго дѣла антагонизмъ. Но ничего подобнаго мы не видимъ на самомъ дѣлѣ ¹⁾. Присмотритесь сколько-нибудь внимательно къ школьной работѣ и обычной жизни церковныхъ, земскихъ и министерскихъ учителей и учительницъ: вы не найдете здѣсь ни малѣйшей розни, ни тѣни какаго-либо раздора. Эта — одна общая, тѣсно сплоченная семья, чуждая какихъ-либо специфическихъ тенденцій или узко-партийныхъ взглядовъ. Эта семья живетъ одной только цѣлью — дать темному мужику грамоту, научить его читать, писать, считать, пѣть на клиросѣ и вообще сознательно относиться къ богослуженію. Последній пунктъ неизменно имѣетъ въ виду всякій учитель, какъ церковный, такъ и земскій, ибо, близко стоя къ народной жизни, они лучше резонерствующихъ теоретиковъ знаютъ, что церковно-славянское чтеніе въ глазахъ народа до сихъ поръ остается излюбленнымъ предметомъ школьнаго ученія и что русскій народъ не можетъ себѣ представить школы, въ программу которой не входило бы обученіе этому предмету. Успѣ-

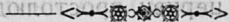
¹⁾ Рѣдкія исключенія въ счетъ не идутъ.

хами въ церковно-славянскомъ чтеніи ж крестьянинъ ж измѣряетъ достоинства и школы, и учителя. Мальчикъ, читающій въ семьѣ въ часы отдыха «Часословъ», «Псалтирь» или «Житія», пользуется особой любовью своей семьи. Мальчикъ, читающій „Псалтирь“ по покойникѣ, уважается въ цѣломъ околodкѣ. Мальчикъ или дѣвочка, поюшіе и читающіе на клиросѣ, до слезъ умиляютъ молящагося въ церкви простолюдина“. (Д. И. Тихомировъ). Насколько важное значеніе придаетъ религиозному элементу въ начальной школѣ нашъ народъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго извѣстнаго намъ факта. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ не-церковныхъ школъ Ардатов. уѣз. служилъ учитель, абсолютно не занимавшійся своимъ дѣломъ, но великолѣпно знавшій церковное пѣніе и организовавшій въ приходѣ прекрасный хоръ. Этому учителя крестьяне носили чуть не на рукахъ. Когда же въ село поступила учительница, блестяще окончившая Симбирскую Маріинскую гимназію и образцово поставившая въ школѣ учебное дѣло, но не умѣвшая управлять церковнымъ хоромъ; то крестьяне пришли въ величайшее раздраженіе и отказались давать средства на отопленіе школьнаго зданія. Вообще же крестьяне совершенно безразлично относятся къ школамъ разныхъ типовъ. Они даже не различаютъ всѣхъ этихъ ярлыковъ: «церковная», «земская», «министерская». Для нихъ важно лишь то, чтобы дѣтишки ихъ, ходя въ школу, выучивались почитать свободнымъ зимнимъ вечеромъ въ слухъ всей семьи назидательную или занимательную книжку, написать письмо солдату, подсчитать, сколько въ годъ приходится платить семьѣ оброку, или сколько дней остается отъ Маріи Египетской до Пасхи, и т. п. А такъ какъ практически научиться читать, писать и считать зависитъ не отъ вывѣски на школѣ, а отъ учителя, который въ школѣ всякаго типа угрождаетъ и хорошій и плохой, то понятно, что мужикъ не только не придаетъ вывѣскѣ никакого значенія, но даже не читаетъ ея. Правда, въ послѣднее время въ разныя учрежденія, имѣющія отношеніе къ школьному дѣлу, поступаютъ ходатайства отъ крестьянъ о закрытіи существующей въ извѣстномъ селѣ церковной школы и объ открытіи земской. Въ значительномъ количествѣ ходатайства такого рода поступили и въ засѣдавшее въ Симбирскѣ въ январѣ мѣсяцѣ губернское земское собраніе. Но имѣя въ виду фактическое положеніе школьнаго дѣла на мѣстахъ, трудно признать, чтобы упомянутыя ходатайства вызы-

вались къ жизни самой жизнью. Скорѣе это результатъ тѣхъ отвлеченныхъ теоретическихъ разсужденій о школахъ разныхъ типовъ, которыя имѣютъ къ жизни слишкомъ отдаленное отношеніе.

Н. Колосовъ.

(Окончаніе будетъ).

О СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

III.

О церковной школѣ.

(Окончаніе).

Сравненіе школъ разныхъ типовъ приводитъ насъ къ выводу, что то, что есть въ земской школѣ, есть и въ школѣ церковной. Это съ одной стороны. Съ другой же стороны—су-

существующій въ церковной школѣ плюсъ, въ видѣ нѣкотораго прибавленія къ программамъ Закона Божія, церковнославянскаго языка и церковнаго пѣнія, — этотъ плюсъ долженъ существовать и во всякой другой школѣ. Мы уже видѣли, что религиозное воспитаніе необходимо въ начальной школѣ въ силу неумолимыхъ требованій самого нашего народа. Въ виду этихъ требованій, депутатъ Львовъ говорилъ въ Государственной Думѣ даже въ томъ слыслѣ, что «свѣтскихъ (начальныхъ) школъ въ Россіи существовать не можетъ; не можетъ существовать такихъ школъ, какія существуютъ во Франціи, гдѣ евангеліе и крестъ удалены изъ школъ, гдѣ дѣло обученія Закону Божьему является дѣломъ, частнымъ, родителей. Такихъ школъ въ Россіи быть не можетъ; не можетъ быть потому, что народъ нашъ настолько глубоко религиозенъ, что онъ прямо не принялъ бы такихъ школъ, онъ отвергнулъ бы ихъ». Но помимо требованій практической жизни народная школа должна работать надъ дѣломъ религиознаго воспитанія своихъ питомцевъ въ силу глубоко-культурнаго значенія самаго этого воспитанія. Религія помогаетъ ребенку выработать единственно-истинное міросозерцаніе, даетъ ему вѣрный, ясный взглядъ на окружающее, смягчаетъ и облагораживаетъ его чувства, укрѣпляетъ его волю. Не даромъ за необходимость религиознаго элемента въ школѣ высказывались всѣ лучшіе педагоги: Песталоцци, Амосъ Коменскій, К. Д. Ушинскій, Н. И. Пироговъ, С. А. Рачинскій, Н. А. баронъ Корфъ и др. Замѣчательно, что великій Пушкинъ, котораго, конечно, уже никакъ нельзя заподозрить въ какомъ нибудь клерикализмѣ, писалъ въ 1834 году по поводу постановки графомъ Румянцевымъ въ его имѣніи колонны въ память 12-го года: — «церковь и *при ней школа* полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинною надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ». Огромное культурное значеніе религіи, церкви и церковной школы прекрасно сознаетъ Западъ. Въ Англіи больше половины дѣтей обучаются въ школахъ церковныхъ, при чемъ значительная доля расходовъ на эти школы оплачивается не церковью, а государствомъ. Въ Голландіи въ церковныхъ школахъ обучается болѣе трети учениковъ. Народныя школы Скандинавскихъ странъ представляютъ собою прямое созданіе церкви и находятся въ ея исключительномъ вѣдѣніи: въ Швеціи и Норвегіи школьный учитель входитъ въ составъ церковнаго причта такъ же, какъ у насъ дьяконъ или псаломщикъ. Даже въ са-

мой Германіи, церковь имѣть ближайшее отношеніе къ дѣлу начального народнаго просвѣщенія.

Итакъ, повидимому, трудно имѣть что либо противъ церковной школы только потому, что она хотѣла бы отвѣсти религиозному образованію то мѣсто, какое приличествуетъ ему по существу. Но это совсѣмъ не значитъ, что въ существующей теперь у насъ церковной школѣ все безусловно хорошо, и ничто не вызываетъ никакихъ *ria desideria*. Нѣтъ. Школа съ церковному направленіемъ должна быть, но для успѣшности работы этой школы ей необходимы нѣкоторыя особыя условія.

Во-первыхъ, нужно, чтобы церковная школа была школой не вѣдомства только православнаго исповѣданія, но школой въ собственномъ смыслѣ слова *приходской*. Земскія школы являются школами общественными: онѣ дѣйствуютъ подъ контролемъ и руководствомъ правительственной власти и органовъ общественнаго самоуправленія. Думается, что при обновленіи приходской жизни и возрожденіи прихода вмѣшательство въ церковно-школьную жизнь общественнаго представительства было бы довольно благотворно. На это указывали многіе члены Государственной Думы при обсужденіи вопроса о церковной школѣ.

Во-вторыхъ, необходимо улучшеніе взаимныхъ отношеній между церковно-школьными дѣятелями. Известна та трагикомическая вражда, какая споконъ вѣку существуетъ между различными членами причта. Не знаемъ, чѣмъ эта вражда объясняется, но полагаемъ, что въ той или другой мѣрѣ она зависитъ и отъ рѣзкой разницы въ образовательномъ цензѣ разныхъ представителей клира. Представьте себѣ, на примѣръ, образованіе священника и псаломщика: одинъ прошелъ хорошо поставленную общеобразовательную школу и кромѣ того спеціальныя богословскія классы, а другой не успѣлъ окончить перваго класса духовнаго училища. Разница, несомнѣнно, огромная. Между тѣмъ работать священнику и псаломщику приходится надъ слишкомъ общимъ дѣломъ, приходится работать слишкомъ близко, такъ сказать бокъ-о-бокъ. Эта близость сплошь и рядомъ вызываетъ развязнаго клирика на непрошенное вмѣшательство въ кругъ дѣятельности священника, даетъ ему соблазнительные поводы къ критикѣ и осужденію тѣхъ или другихъ дѣйствій послѣдняго и т. под. Все это не можетъ не раздражать всякой сколько-нибудь впечатлительный природы заваленнаго сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ пастыря и вынуждаетъ его смотрѣть

на своего сослуживца, какъ на клинъ, вошедшій въ чужое тѣло. Нѣтъ ничего удивительнаго, что когда у нашего священника оказался новый сослуживецъ и подчиненный въ лицѣ учителя церковной школы, то священникъ и на него перенесъ свою раздражительность и недовѣрчивость. Отношенія завѣдывающихъ церковными школами къ ихъ подчиненнымъ безошадной критикѣ подвергъ въ Государственной Думѣ депутатъ Сурковъ. Можетъ быть, критика эта рѣзка до несправедливости. Но должны сказать, что и намъ лично извѣстны факты, которые мало говорятъ въ пользу оо. завѣдывающихъ церковными школами. Такъ, на примѣръ, въ Симбирской епархіи мы знали завѣдующаго теперь, впрочемъ отрѣшеннаго отъ мѣста и запрещеннаго въ священнослуженіи, который, приходя въ школу, требовалъ, чтобы учительница снимала съ него калоши. Другой завѣдующій «принципially» не пускаетъ учительницу въ свой домъ дальше кухни. Все это, конечно, такіе порядки, которые никоимъ образомъ не могутъ служить успѣхамъ церковно-школьнаго дѣла. Въ третьихъ, духовенству въ его школьномъ учительствѣ необходимо больше святого воодушевленія и ревностной преданности дѣлу. Отъ нѣкоторыхъ священниковъ намъ приходилось слышать, что, привыкнувъ въ храмѣ служить Богу пламенными гимнами и вдохновенными молитвами, а также привыкнувъ благовѣствовать съ церковной кафедры возвышеннымъ и торжественнымъ библейскимъ языкомъ, они положительно скучаютъ въ школѣ, гдѣ нужна система, нужны надобдивныя повторенія, строго опредѣленная методика, гдѣ дѣло благовѣствованія заключается въ слишкомъ узкія рамки, гдѣ приходится имѣть дѣло съ прозой и необходимо сжиматься, притихать. «Иду въ школу на Законъ Божій, какъ на распятіе», — врѣзалось въ нашу память характерное выраженіе одного священника. Мы подобной психологіи совершенно не понимаемъ. Мы глубоко убѣждены, что горячая преданность дѣлу и окрыляющій насъ самихъ духъ творчества и жизни способны оживить какую угодно методику и сообщить яркую красочность какому угодно, хотя бы самымъ схоластическимъ, хотя бы мертвымъ схемамъ. Скажемъ то, что мы уже говорили: больше святого воодушевленія!

Въ четвертыхъ, очень важно, чтобы всѣ церковно-школьные поддѣтели ясно представляли себѣ конечныя цѣли церковной школы, чтобы тѣсно объединялись около основной идеи этой школы, чтобы свято хранили эту идею, какъ воины свой стягъ, чтобы

готовы были за нее и на лишения, и на жертвы. Цѣли объединенія церковно-школьныхъ дѣятелей до сихъ поръ служили обыкновенно педагогическіе курсы въ лѣтнее время. Не можетъ быть сомнѣнія, что большую услугу этой цѣли окажетъ предположенная въ маѣ и іюнѣ этого года юбилейная церковно-школьная выставка. Но не малое значеніе въ данномъ отношеніи должны имѣть и такого рода учрежденія, какъ, напр. кассы взаимопомощи, церковно-учительскія бібліотеки, церковно-педагогическіе журналы, учительскіе съѣзды и т. под. Однако, заботясь о тѣсной сплоченности между собою, церковно-школьные дѣятели должны принимать всѣ мѣры къ поддержанію и упроченію дружественныхъ отношеній со школьными дѣятелями другихъ вѣдомствъ. Ни на минуту нельзя забывать, что терпимость и уваженіе къ чужому труду являются вѣрнѣшими залогоми успѣха во всякомъ дѣлѣ вообще, а въ педагогическомъ — въ особенности. Какъ было показано въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ, при существовавшихъ у насъ до сихъ поръ церковно-школьныхъ отношеніяхъ земская школа выигрывала тѣмъ, что усваивала отъ церковной духъ религіозности, а церковная школа въ свою очередь заимствовала отъ земской методы преподаванія вообще. Миръ и полная солидарность между школами разныхъ типовъ и на будущее время всегда будутъ служить залогомъ наибольшей продуктивности ихъ работы.

Наконецъ, въ-пятыхъ, для церковныхъ школъ и церковно-школьныхъ дѣятелей необходимо лучшее матеріальное обезпеченіе. Почти невѣроятно, что всего какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ тому назадъ учашіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ получали по восемь и пять рублей въ мѣсяцъ. Совершенно невѣроятно, что до сихъ поръ церковный учитель не можетъ разсчитывать хотя бы на грошовую пенсію за свой тяжелый изнурительный трудъ чуть ли не отъ восхода и до заката солнца. Трудно представить условія наиболѣе неблагоприятныя для какой бы то ни было работы, и нужно только удивляться безпредѣльному терпѣнію и геройскому самопожертвованію нашего многострадательнаго школьнаго мученика. Среди невыносимыхъ условій жизни онъ находитъ возможнымъ не владить жалкое существованіе, а жить, думать, работать, стремиться, утолять чужую жажду... Епископъ Евлогій говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Государственной Думѣ: «Вотъ живая картинка, которую разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нашихъ наблюдателей. Пріѣзжаю я,

собралъ еще 10 р., — до полной стоимости содержанія пансіонерки.

говорить онъ, въ церковную школу: помещеніе маленькое, а дѣтей такая масса, какъ сельдей въ бочкѣ; учителя нѣтъ. Спрашиваю: гдѣ учитель? Дѣти отвѣчаютъ: учитель вышелъ, у него кровь пошла. Вхожу въ комнату учителя; учитель лежитъ пластомъ блѣдный. Говорю: что съ вами? Ничего, говоритъ: со мной это бываетъ; говорю, говорю, потомъ закружится голова и чувствую, что дышать мнѣ нечѣмъ, но это ничего, пройдетъ! И это—прошло, но къ концу учебнаго года у учителя открылась горловая чахотка»... Впрочемъ, не нужно приводить такого рода картинъ. Онѣ могутъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ нужно трогать слишкомъ безжалостныя сердца.

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

IV.

О МИССИИ.

Есть люди съ трагической судьбой. Имъя всѣ данныя для того, чтобы съ успѣхомъ выполнять взятое ими на себя дѣло и продуктивно работать на пользу окружающей среды, они со стороны этой именно среды встрѣчаютъ непреодолимая затрудненія, выражающіяся въ формѣ недовѣрія къ нимъ, сомнѣнія въ ихъ силахъ, отрицанія самыхъ принциповъ ихъ дѣла и т. дал. Это тѣ непризнанные таланты, о которыхъ говорятъ не съ ироніей, а съ сочувствіемъ и состраданіемъ. Но не только отдѣльные люди не всегда по справедливости оцѣниваются со стороны общества, но и цѣлыя учрежденія. Какъ есть непризнанные таланты, такъ есть и непризнанные институты. Къ числу послѣднихъ необходимо отнести институтъ нашей внутренней миссіи. Казалось бы, все говоритъ въ пользу миссіонерства и миссіонера: и евангеліе, и примѣръ апостоловъ, и церковная исторія, и даже внѣшнее положеніе миссіи, всячески поощряемое и выдвигаемое впередъ многихъ другихъ церковныхъ служеній; и тѣмъ не менѣе, нѣтъ въ жизни нашей церкви столь непопулярнаго учрежденія, какъ миссія.

Гдѣ же причины этой непопулярности?

По данному вопросу приходится слышать до чрезвычайности разнообразныя мнѣнія.

1) Одни говорятъ, что дѣло миссіи не пользуется въ обществѣ симпатіями потому, что оно выражается въ нецѣлесообразныхъ формахъ. Всѣ эти споры съ раскольниками и сектантами не только, будто бы, не обращаютъ никого въ православіе, но могутъ и самому православію принести явный ущербъ. Они поселяютъ среди православныхъ смуту, поднимаютъ въ ихъ средѣ вопросы, о которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ,

возбуждаютъ одну изъ спорящихъ сторонъ противъ другой, святое и интимное дѣло вѣры выносятъ на площадь, на рынокъ, въ трактиръ, подрываютъ въ глазахъ паствы авторитетъ приходскаго духовенства и т. дал. Насколько намъ извѣстно, въ этомъ смыслѣ не такъ давно въ только что учрежденный Симбирскій миссіонерскій комитетъ былъ представленъ репортъ одного изъ священниковъ Курмышскаго уѣзда. Однако, намъ думается, что такое объясненіе непопулярности дѣла миссіи, имѣя для себя данныя въ дѣйствительной жизни, не можетъ считаться безспорнымъ. Само собою разумѣется, что ничего нельзя говорить противъ положительной христіанской проповѣди. Но что такое религиозные диспуты? Это та же проповѣдь, только сопровождаемая обмѣномъ мнѣній, способнымъ иногда принимать характеръ и спора. Но что можно имѣть и противъ религіознаго спора? Христосъ спорилъ съ еврейскими мудрецами въ храмѣ, Онъ допускалъ словесныя состязанія съ книжниками и фарисеями...

Одно словотолченіе!— говорятъ часто послѣ миссіонерскихъ споровъ: одна діалектика.

Но припомните, какъ рѣшалъ Иисусъ Христосъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли платить подать кесарю или нѣтъ? Чій имать образъ и надписаніе?—спросилъ Христосъ вопрошающихъ Его. Это ли не діалектика? Религіозные споры оправданы исторіей вселенскихъ и помѣстныхъ оборотовъ, при чемъ мы видимъ, насколько большое вліяніе въ интересахъ церкви имѣли такіе мудрецы слова, какъ Аванасій Великій. А что, какъ не споръ,— только не устный,—представляетъ собою литературная полемика по вопросамъ вѣры, которая, начавшись съ первыхъ вѣковъ христіанства, продолжается на всемъ дальнѣйшемъ пространствѣ христіанской исторіи, и противъ которой никто не вооружается такъ, какъ противъ религіозныхъ споровъ? Что касается русской исторіи, то здѣсь споры были вызваны къ жизни просто самою необходимостью. Не миссіонеры раньше вызвали на диспуты старообрядцевъ, а старообрядцы строго юридическимъ порядкомъ требовали разрѣшить для нихъ публичный религіозный споръ. Одно восклицаніе Никиты Пустосвята: „препрѣхомъ, побѣдихомъ“ показываетъ, насколько большое значеніе придаетъ самъ нашъ народъ обмѣну мыслей по вопросамъ вѣры. Столько въ этомъ восклицаніи убѣжденности въ правотѣ одной вѣры и въ ея превосходствѣ надъ вѣрой другой! Да такъ и должно

быть. Побѣдитель всегда чувствуетъ себя правымъ. Здѣсь мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, съ новымъ основаніемъ для религиозныхъ споровъ—съ психологическимъ. А потому-то и нельзя споры выкинуть изъ церковнаго обихода. Упраздните ихъ въ той постановкѣ, въ какой они существуютъ теперь, и они возродятся въ новой формѣ. Потому религиозные споры всегда были и будутъ. Спорилъ Лютеръ, спорятъ члены религиозно-философскихъ собраній, будутъ спорить и послѣ насъ. Важно лишь, чтобы споры эти велись *sine ira et studio*, чтобы они имѣли въ виду благо заблуждающихся душъ и благо церковное, чтобы они не были средствомъ блеснуть краснорѣчіемъ и эрудиціей, удовлетворить чувству тщеславія, выдвинуться въ отношеніи карьеры и т. дал. Важно также и то, чтобы въ диспутахъ было возможно болѣе положительнаго элемента. Пусть миссіонеръ сначала просто проповѣдуетъ, а потомъ уже и лишь по мѣрѣ необходимости допускаетъ обмѣнъ мыслей и вступаетъ въ споръ. Тогда диспутъ не будетъ собственно споромъ, а скорѣе—проповѣдью. Между тѣмъ у насъ на миссіонерскихъ собраніяхъ спору удѣляется настолько первенствующее значеніе, что въ публикѣ самыя эти собранія называются не иначе, какъ споромъ. Когда устраиваются лекціи или рефераты съ обмѣномъ мыслей, то такъ и говорятъ: „устраивается лекція, рефератъ“. Но пойти на миссіонерское собесѣдованіе—это непременно означаетъ „пойти на споръ“. Какъ будто въ спорѣ центръ тяжести, словно въ какомъ либо состязаніи на призъ.

Н. Колосовъ.

(Продолженіе будетъ).

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ

IV.

О МИССИИ.

(Продолженіе).

При нормальной постановкѣ, миссіонерскіе диспуты не могутъ быть нецѣлесообразными. Пусть по окончаніи диспута никто изъ заблуждающихся не воскликнетъ вслухъ всего собранія: «я убѣжденъ вами, перехожу къ вамъ», но это не значить вѣще, что въ глубинѣ души заблуждающагося не встали нѣкоторые новые вопросы, не заговорили незнакомые голоса, не началась небывалая доселѣ работа по пересмотру и провѣркѣ прежняго міросозерцанія. А это уже само по себѣ должно быть очень важно, потому что кто же знаетъ, къ какому выводу приведетъ заблуждающагося его пересмотръ? Но еще важнѣе то, что миссіонерскіе диспуты могутъ предотвращать соблазны и искушенія среди вѣрующихъ, могутъ предохранять ихъ отъ опасныхъ увлеченій чужими рѣчами. Важно далѣе и то, что именно въ религіозныхъ диспутахъ точнѣе всего познаются и сущность, и детали credo религіозныхъ исповѣданій и вырабатываются приемы литературной полемики съ ними. Наконецъ, значеніе диспутовъ должно выражаться и выражается въ томъ, что они поддерживаютъ въ обществѣ интересъ къ религіознымъ темамъ и спасаютъ его отъ губительнаго въ этомъ отношеніи индифферентизма.

2) Объясняютъ непопулярность нашей миссии и тѣмъ вѣще, что она не имѣетъ внутренняго смысла. Зачѣмъ—говорятъ—мы будемъ бороться съ раскольниками и сектантами, если на ихъ сторонѣ вѣра, религіозное воодушевленіе, и святой энтузіазмъ. Тѣмъ то, чего нѣтъ на нашей сторонѣ? Православный, говорятъ, вѣритъ вяло, въ религіозномъ отношеніи это неисправимый дѣлѣтяй. Русскій православный мужикъ дремлетъ за богослуженіемъ, и это какъ бы символизируетъ его отношеніе къ вѣрѣ и церкви: нѣтъ грома, нѣтъ, значитъ, нечего намъ особеннo волноваться. Между тѣмъ у раскольниковъ и сектантовъ все—порывъ, все—движеніе, борьба, надежда. Отсюда удивительная стойкость ихъ вѣры. Вѣкъ за вѣкомъ ведутъ, напр., противъ раскола вооруженную борьбу и богословіе, и культура, и власть, и тѣмъ не менѣе старообрядчество почти несдвигимо. Нѣтъ возможности жить въ Россіи—старообрядецъ бѣжитъ въ Румынію, въ Ав-

стрию, въ Турцію, но въру и саомытностъ свою, сохраннытъ Богословію и культуру, онъ противопоставляеть свою начитанность въ Божиёмъ словѣ, свою уставность, свое любованіе съми религіозными формами и обрядами, какими древле спасались святые Божіи челоуѣки, въ послѣднее же время противопоставляеть и свою собственную образованность, свою саомытнѣю культуру, свои журналы, научныя изслѣдованія и т. д. Далъ. Насиліямъ же старообрядцы противопоставляють мученичество, до саомосоженія включительно. Что же—говорять—могутъ подѣлать съ такой огромной духовной силой наши маловѣрные, суетныя миссіонеры-проповѣдники, чѣмъ обуздають они эту силу? Какимъ оружіемъ подчинять ее себѣ? Слово нѣтъ, борьба съ такой силой трудна, она едва выносіма, но это не значить, что этой борьбы и не можетъ быть! Если на противоположной сторонѣ сила, то съ нашей стороны должна быть выставлена сила еще большая. Знаніе, культурность несомнѣнно на нашей сторонѣ. Неужели не можетъ быть и религіознаго одушевленія? Конечно, можетъ. Допустимъ, что православный дремлетъ, но разбудите его, укажите предстоящее ему дѣло, направьте его, воодушевите, кликните кличъ, и тогда вы увидите, какой огромной, какой непобѣдимой арміей вы располагаете. Вы увидите тогда ту же силу, которая заявляла себя во всѣ трудныя эпохи борьбы съ безвѣріемъ и иноуѣріемъ прежняго времени.

3) По третьему объясненію, причина непопулярности нашей миссіи лежитъ въ томъ, что дѣло этой миссіи искусственно, надумано, сочинено, что дѣло это бумажное. Зачѣмъ—говорять—спеціальныя институты миссіонеровъ, если миссіонеромъ можетъ и долженъ быть въ своемъ приходѣ каждый священникъ? Съ искренностью и благоуліемъ отправляетъ приходскій священникъ положенныя службы и случающіяся требы, неустанно проповѣдуетъ съ церковной кафедры слово истины, учительствуетъ въ школѣ и т. д.—вотъ,—говорять,—вамъ и миссіонеръ. Въ этомъ случаѣ священникъ является поистинѣ пастыремъ добрымъ, и вокругъ него объединяется его паства, послушная, мирная, преданная, чуждая всякихъ раздоровъ и разномыслія по вопросамъ вѣры.

—А если,—говорю я одному священнику,—въ ваше стадо проникнетъ волкъ и станетъ расхищать вашихъ овецъ?
—Пастырь добрый,—убѣжденно отвѣчалъ священникъ,—

сейчасъ же увидить волка и всегда сумѣеть защититься отъ него. Пусть въ моемъ приходѣ началась пропаганда со стороны раскольниковъ или сектантовъ—прихожане немедленно сообщать мнѣ объ этомъ, и въ случаѣ, если пропаганда кого-либо смутить, вызоветъ у кого-либо какіе-нибудь вопросы и недоумѣнія, то смутившійся и колебавшійся прежде всего придуть ко мнѣ, и вотъ здѣсь-то мы побесѣдуемъ дома, въ интимной обстановкѣ, въ тишинѣ и спокойствіи, помимо какого-либо раздраженія или желанія кого-либо „поразить“. Мы побесѣдуемъ только для того, чтобы уяснить дѣло, и этотъ разговоръ по „душамъ“ для колеблющагося будетъ имѣть гораздо больше благотворнаго значенія, чѣмъ самый блестящій миссіонерскій споръ, который, трактуя общую тему, никогда не можетъ ближайшимъ образомъ подойти къ личнымъ запросамъ отдѣльной смущенной души, къ индивидуальнымъ особенностямъ религіознаго склада каждаго отдѣльнаго мятушагося духомъ человѣка.

— Хорошо, — замѣтилъ я на слова священника, — хорошо, если совращаемый пойдетъ къ вамъ на интимную бесѣду, но...

— Непремѣнно пойдетъ, — воскликнулъ собесѣдникъ: — если я дѣйствительно пастырь добрый и искренній священникъ, то пойдетъ. Совершенно другое дѣло, если я не пастырь, а чиновникъ. Но тогда мнѣ не помогутъ и никакія миссіонерскія собесѣдованія. На той сторонѣ, гдѣ не чиновничество, а глубокая вѣра, всегда будетъ перевѣсъ, и туда всегда будутъ склоняться симпатіи моего прихожанина. Нѣтъ, миссіонеровъ не надо. Но миссіонерами должны быть всѣ священники. Я священствую 35 лѣтъ. Лѣтъ 10 я самъ былъ окружнымъ миссіонеромъ и говорю не отъ фантазіи или отъ какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а по опыту самой жизни.

Отвергать авторитетъ пастырскаго опыта мы, конечно, не можемъ и не будемъ. И думаемъ, что противъ положенія, что каждый священникъ не премѣнно долженъ быть миссіонеромъ спорить и на самомъ дѣлѣ нельзя. Не даромъ у насъ въ семинаріи давно уже существуетъ специальная кафедра по исторіи и обличенію раскола и сектантства. Тѣмъ не менѣе, должно замѣтить, что указанное положеніе раздѣляется далеко не всѣми пастырями. Очень многіе изъ нихъ, занимая раскольническіе и сектантскіе приходы, не принимаютъ никакихъ мѣръ къ усиленію пастырской дѣятельности, хотя въ отчетахъ о состояніи прихода и уменьшаютъ не премѣнно цифру неправославныхъ.

Кстати: последнее фальшивое явление стало для нас настолько обычным, что против него никто никогда не говорит. Но какой смысл в этой фальши? Не лучше ли лечить болезнь чѣм скрывать ее? Въ виду довольно индифферентнаго отношенія значительной части нашего паствы къ дѣлу миссіи, необходимы особыя лица, которыя съ одной стороны будили бы паству къ дѣятельности, а съ другой — руководили бы ими; знакомили бы ихъ миссію лучшими методами веденія миссіонерскаго дѣла. Вотъ здѣсь-то и окажутся полезными миссіонеры, какъ представители нарочитаго учрежденія. Не бѣда, если миссіонеръ прїѣдетъ въ приходъ и здѣсь побесѣдуетъ съ чужой паствой. Едва ли въ такомъ случаѣ будетъ оскорбляться самолюбіе приходскаго священника. Въдѣ миссіонеръ образованнѣе его, опытнѣе, умѣлѣе. Ученые признаютъ авторитетъ ученѣйшихъ. Художники работаютъ подъ руководствомъ маэстро. Маленькій поэтъ долженъ признать превосходство надъ собой Пушкина и Толстого. Почему же приходскій священникъ долженъ быть абсолютнымъ? Въдѣ его не оскорбляютъ бесѣды съ его паствой архіерея? Но развѣ между архіереемъ и священникомъ не можетъ быть еще посредствующихъ звеньевъ? Въмѣшательство въ приходскую жизнь посторонняго, а женовысшаго лица (не уронить авторитета священника и въ глазахъ прихожанъ). Послѣдніе знаютъ, что въо вѣхъ областяхъ жизни существуетъ строгая спеціализація, и если они увидятъ, что ихъ священникъ работаетъ подъ руководствомъ опытѣйшихъ людей, то швъ этомъ для нихъ не будетъ ничего удивительнаго и обиднаго для священника. Напротивъ, они будутъ больше довѣряться ему, потому что будутъ убѣждены, что въ затруднительныхъ случаяхъ священникъ не растеряется, что онъ всегда найдетъ поддержку у старшихъ и высшихъ, что онъ не одинокъ и не беспомощенъ, что за него опасаться нечего.

Но еще болѣе, чѣмъ чрезъ непосредственное вмѣшательство въ приходскую жизнь миссіонеръ и вообще миссіонерскій институтъ можетъ имѣть значеніе чрезъ воздѣйствіе на самихъ священниковъ. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто всякаго рода письменныя совѣты и указанія, но гораздо важнѣе въо оданномъ случаѣ устный обменъ мыслей на специальныхъ собраніяхъ, гдѣ подъ верховенствомъ епископа объединялись бы приходскіе пастыри и представители миссіонерскаго дѣла. Въ этихъ собраніяхъ духовенство могло бызнакомиться съ совершенѣйшими

пріемами миссіонерской тапологетикви и полѣмики, могло бы получить извѣстное вдохновеніе на свое трудное дѣло, огромная важность котораго нѣкоторыми пастырями, живущими въ деревенской глуши, безъ книгъ, безъ внѣшнихъ побужденій, къ работѣ, безъ ближайшаго руководства, даже не сознается или сознается недостаточно живо и глубоко, что же?

По вопросу о миссіи среди инородцевъ-язычниковъ и магометанъ мы имѣли случай бесѣдовать съ однимъ изъ видныхъ дѣятелей по просвѣщенію инородцевъ восточной Россіи. «Идите, — говоритъ этотъ дѣятель — къ инородцамъ-язычникамъ и къ магометанамъ и не берите съ собой ничего, кромѣ евангелія. Несите только его одно, въ темныя массы и проповѣдуйте его на непонятномъ инородцу его родномъ языкѣ. Услышитъ инородецъ евангеліе, пойметъ его, почувствуетъ его тепло, и онъ переродится, непременно переродится, потому что можетъ ли устоять предъ чистотой, возвышенностью и абсолютностью евангелія такая слишкомъ человѣческая религія, какъ исламъ, и тѣмъ болѣе такая наивныя міросозерцанія, какъ фетишизмъ вогуловъ или черемисовъ. Помните у Достоевскаго въ его Запискахъ изъ мертваго дома разсказъ о томъ, какъ Горяничковъ (Достоевскій), пользуясь на банкотѣ минутами досуга, выучилъ молодого торца Алея грамотѣ, причемъ азбукой и единственною книгой для чтенія было евангеліе. Горецъ зачиталъ о святую книгу, и восторгъ его росъ по мѣрѣ вѣсто, какъ отъ первой страницы онъ шель все дальше и дальше. При чтеніи нагорной проповѣди и особенно словъ о Христовыхъ прощеніи враговъ благоговѣйный трепеть наполнилъ Алея, и онъ въ умиленіи воскликнулъ: Иса (Исусъ) — великій Пророкъ! — Будьте увѣрены: воскликнетъ такъ и всякій инородецъ-язычникъ и всякій магометанинъ, если вы сумѣете подойти къ его душѣ съ плѣнительными глаголами евангелія и сладкой силой ихъ вытѣсите изъ нея все низкое, все несовершенное. У насъ часто къ проповѣди евангелія среди инородцевъ примѣшиваютъ политику. Этого не должно быть. Не должно быть просто потому, что это совершенно излишне. Конечно, нельзя не признать законнымъ желаніемъ десятиллионнаго русскаго народа объединить около себя и вполне подчинить себѣ разрозненныя кучки инородцевъ. И несомнѣнно, стягъ русской государственности долженъ въ данномъ случаѣ стоять очень высоко. Но безъ

условно выше его долженъ воздвигаться стая вѣры и церкви русской. Объединивъ съ собой инородцевъ въ такой важнѣйшей и интимнѣйшей области, какъ религія, мы притянемъ ихъ къ себѣ и наиболѣе крѣпко спаяемъ ихъ съ собою и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Можно ли сказать, что Греки и русскіе — это два, чуждые другъ другу народа? Конечно, нѣтъ. Но что сближаетъ ихъ (до селѣ до родственности) сближаетъ эти два дѣйствительно и нужеи и по крови, и по исторіи, и по культурѣ національности? Только одно — религія. Несите же въ языческой и мусульманской міръ чистое евангеліе безъ всякой примеси политики, и работа ваша дастъ добрый плодъ. Однако, нужно помнить, что для успѣха миссіи одного чистаго евангелія недостаточно. Необходимо еще, чтобы оно проповѣдывалось чистымъ же языкомъ и дѣлами по чистой совѣсти. Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ опредѣленные челоѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего. Если бы мы были менѣе апатичны въ вѣрѣ, если бы за нами было больше добрыхъ дѣлъ, если бы мы меньше страшились трудности подвига, то съ одной стороны уже самая положительная проповѣдь нашихъ священниковъ въ христіанскихъ храмахъ увлекла бы къ себѣ инородцевъ и магетанъ. Вѣдь вотъ, напр., на Волгѣ они наши сосѣди. Съ ними у насъ такъ много общаго во внѣшней жизни. Почему бы не быть и общей вѣрѣ, и общей молитвѣ? Не привлекаемъ, очевидно, мы ихъ своей вѣрой, и своей жизнью, какъ умѣли это дѣлать по отношенію къ сосѣдямъ язычникамъ древніе христіане. Съ другой стороны, при силѣ вѣры и при готовности на подвигъ (не была бы въ забросѣ въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и наша Сибирь, и на Алтаѣ, какъ бы самой природой предуказанномъ для какой-то высокой цѣли, давно бы уже высились богатые христіанскіе алтари, стягивающіе къ своимъ огнямъ азіатскій сѣверъ и югъ. Можетъ быть, что въ дѣлѣ внѣшней миссіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, нужна горячность вѣры, и нуженъ пламень воодушевленія и твердость надежды на силу евангелія, на дѣйствительность и побѣдоносность христіанскихъ идей. Есть вѣра, и горы движутся. Нѣтъ вѣры — слагайте оружіе и встывайтесь дома. Пусть работаютъ другіе, а вы инакош гхншоред

2001. Нужно ли что либо прибавлять къ вѣтнимъ полнымъ жизненной правды словамъ?

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

V.

Къ вопросу о возрожденіи прихода.

Въ послѣднее время очень много говорили и писали о возрожденіи прихода. Этотъ вопросъ дебатировался на собраніяхъ предсоборнаго присутствія и трактовался на страницахъ безусловно всѣхъ духовныхъ журналовъ и очень многихъ изданій свѣтскихъ, не исключая газетъ. Говорили о томъ, что духовенство должно оживить свою просвѣтительную дѣятельность, что это оживленіе необходимо должно выразиться съ истовомъ и потправленіи богослуженія, въ „живомъ“ проповѣдническомъ словѣ, въ педагогической работѣ въ школѣ, въ экономической помощи приходскому населенію и т. дал. Высказывали горячія и серьез-

ныя пожеланія относительно расширенія дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ, о преобразованіи ихъ въ приходскіе совѣты съ предоставленіемъ имъ правъ юридическаго лица и т. под. Впрочемъ, нѣтъ нужды распространяться о томъ, что говорили и писали на тему о возрожденіи прихода. Это можно сказать общезвѣстно. Любопытнѣе посмотрѣть, какъ хорошія слова о приходѣ воплотились въ дѣйствительную жизнь, пали ли они на готовую почву и принесли ли ожидаемый плодъ? Къ сожалѣнію, приходится сказать, что почти всѣ разговоры о приходѣ такъ и остались разговорами, въ плоть и кровь они не облеклись и до сихъ поръ не получили сколько нибудь осязаемой реальности. Что касается, напр., нашего Симбирска, то здѣсь въ сферѣ приходской жизни за послѣдніе годы не наблюдается ровно никакого оживленія. Въ прежнемъ положеніи находятся и церковная проповѣдь, и церковно-школьное учительство, такъ же, какъ и прежде, работаютъ, а лучше сказать такъ же не работаютъ церковныя попечительства. Правда, попытки къ нѣкоторымъ нововведеніямъ въ приходской жизни принимались, но — увы! — онѣ терпѣли фіаско въ самомъ своемъ зародышѣ. Это въ *Симбирскѣ*. Въ Симбирской же *епархіи* въ большинствѣ приходоѡвъ нѣтъ даже и попытокъ идею о возрожденіи прихода приложить къ жизни. Здѣсь приходская жизнь протекаетъ буквально въ тѣхъ же берегахъ, въ какихъ лѣниво катилась она и до толковъ о возрожденіи.

Почему же такъ? Было бы ошибочно думать, что приходская жизнь не возрождается потому, что приходскіе дѣятели не видятъ необходимости возрожденія или же не сознаютъ его пользы. Нѣтъ. Паденіе вѣры въ народѣ, пониженіе среди него нравственности, своеобразное религіозно-культурное одичаніе нашего народа — эти факты представляютъ для всякаго приходскаго дѣятеля, а тѣмъ болѣе для священника явленія слишкомъ большой неоспоримости. И каждый приходскій дѣятель, а особенно священникъ прекрасно знаетъ, что путь къ религіозно-культурному просвѣщенію — это именно путь усиленія религіозно-нравственной дѣятельности, введеніе въ кругъ этой дѣятельности новыхъ, болѣе отвѣчающихъ духу времени факторовъ и — между прочимъ — объединеніе около церкви и около духовенства лучшихъ силъ изъ самаго прихода, которыя оказывали бы духовенству въ его трудной работѣ извѣстную поддержку, помогали бы ему и лучше

знать свой приход и ближе, непосредственнѣе входить въ его нужды. Да, это сознаеть наше духовенство, и тѣмъ не менѣе, когда предлагаютъ ему учреждать приходскіе совѣты, когда въ готовомъ видѣ раскрываютъ предъ нимъ и самый планъ занятій этихъ совѣтовъ, духовенство рѣшительно не двигается съ мѣста и всѣмъ своимъ поведеніемъ въ данномъ отношеніи какъ бы показываетъ, что если разсужденія о возрожденіи прихода имѣютъ еще какой либо смыслъ въ теоріи, то на практикѣ цѣнность ихъ понижается до нуля.

Что же означаетъ подобное явленіе, и какъ его объяснить? Не можетъ быть сомнѣнія, что главная причина, почему современныя теоретическія разсужденія о возрожденіи прихода не воплощаются въ жизнь, лежитъ въ боязни нашего духовенства, что едва оно въ дѣлѣ церковнаго строительства сдѣлаетъ какой либо смѣлый шагъ, едва скажетъ какое либо новое слово, едва чѣмъ либо откроетъ возможность для оживленія и возрожденія религіозной жизни прихода, какъ сейчасъ же предъ нимъ встанетъ такое неисчислимое множество всякаго рода вопросовъ, жгучихъ, острыхъ и трудныхъ, что само духовенство, безъ опасенія запутаться и напутать, за рѣшеніе ихъ взятыя не можетъ, а міряне, взявшись за это рѣшеніе, позволять такъ много грубаго, рѣзкаго, неумѣстнаго въ вопросахъ религіознаго и церковнаго свойства, что нѣтъ... лучше безъ оживленія, лучше безъ возрожденія, лучше подождать; настануть еще и худшія времена, а пока... нѣтъ неотложной необходимости. Вотъ гдѣ первая и главная причина, почему у насъ о возрожденіи говорятъ, но къ возрожденію не приступаютъ: опасаются слишкомъ сложныхъ и слишкомъ трудныхъ послѣдствій. И—безусловно—это опасеніе опирается на очень прочное основаніе: Возрожденіе прихода предъ каждымъ отдѣльнымъ пастыремъ поставитъ всѣ тѣ вопросы и экономическіе, и каноническіе, и богословскіе, опредѣленнаго рѣшенія которыхъ не можетъ быть не только у скромнаго сельскаго священника, но и у лица, стоящаго на болѣе высокой ступени іерархической лѣстницы, да даже и у цѣлой коллегии такихъ лицъ. Въ нашей церковной жизни накопилась огромная сумма такихъ вопросовъ, компетентное рѣшеніе которыхъ можетъ быть подъ силу лишь церковному собору. Что же дѣлать съ этими вопросами, куда дѣваться отъ ихъ остраго жала сельскому священнику, когда онъ вызоветъ ихъ къ жизни своей собственной дѣятельностью

по возрожденію прихода? Прихожане рѣшить вопросы не помогутъ; они будутъ ихъ только ставить. А едва для нихъ будетъ ясно, что у священника прямого и яснаго отвѣта нѣтъ, они будутъ рѣшать ихъ сами, но будутъ рѣшать такъ же, какъ рѣшаютъ общественныя дѣла на сходахъ, грубо, безцеремонно, крикливо, часто скандально. И въ этомъ случаѣ они будутъ уже не опорой для духовенства, а его конкурентомъ, стремящимся встать на его мѣсто и не только совѣтовать духовенству, но думать соборною съ нимъ думою, а повелѣвать духовенству и по своему усмотрѣнію распоряжаться имъ. Тенденцію такого рода проявляли часто уже церковныя попечительства, не разъ при ослабленіи дѣятельности церковныхъ причтовъ громко заявлявшія свои права на распоряженіе, напр., церковнымъ имуществомъ и даже церковными должностями. Міряне наши (не вътолѣ созрѣли еще для того, чтобы по-религіозному относиться къ релігіознымъ вопросамъ и при рѣшеніи приходскихъ дѣлъ имѣть въ виду прежде всего не ближайшія приходскія цѣли, а цѣли дальнѣйшія и высочайшія — общецерковныя и вѣчныя. Поэтому, хотя и много накопилось у насъ вопросовъ, настойчиво требующихъ своего разрѣшенія, соборъ съ участіемъ мірянъ считается у насъ преждевременнымъ и съ года на годъ отсрочивается; поэтому же и приходскіе пастыри рѣчи о возрожденіи прихода читаютъ и слушаютъ, но приходъ не возрождаютъ, ибо это — съ ихъ точки зрѣнія — означало бы накликать бѣду на свою голову. Однако, не можетъ до безконечности продолжаться и эта теперешняя тактика недоговариванія, умалчиванія и откладыванія въ долгій ящикъ. Можно откладывать теперь, можно, можетъ настать такой моментъ, когда откладывать дальше будетъ нельзя, когда на жгучіе вопросы придется давать отвѣты рѣшительные и опредѣленные. И вотъ для того, чтобы отвѣты эти были *вѣрными* отвѣтами, для того, чтобы самая выработка ихъ могла происходить въ обстановкѣ мирной и благопріятной для дѣла, для этого необходимо самому духовенству предварительно подготовиться къ предстоящей трудной дѣятельности и подготавливать къ ней приходъ.

(Окончаніе будетъ).

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

Къ вопросу о возрожденіи прихода.

(Окончаніе)

И всегда вообще служеніе нашего духовенства — дѣло сложное и трудное. Но справедливость требуетъ сказать и то, что очень часто духовенство въ кругъ своихъ пастырскихъ обязанностей включаетъ и свои занятія полеводствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, дѣла семейныя и т. дал.

„Наше положеніе трудное, — говорятъ часто священники, — нужно обѣдно отслужить, потомъ нужно съ дѣтьми заняться; дальше — сѣнокосъ или жнитво: необходимо присмотрѣть“.

У нашего духовенства вниманіе непремѣнно двоится или тройится, устремляясь въ сторону и церкви, и семьи, и хозяйства. Это, конечно, очень естественно и въ высокой степени неизбежно, но бѣда въ томъ, что у духовенства расщепленность вниманія отличается особой рѣзкостью и прямою. И докторъ не только лѣчитъ, и адвокатъ не только защищаетъ, и чиновникъ не только сидитъ за канцелярскимъ столомъ, но священникъ неслужебнымъ своимъ занятіямъ удѣляетъ такъ много времени и придаетъ имъ такъ много значенія, что не прочь и имъ усвоить служебный характеръ. Несомнѣнно, что это недоразумѣніе имѣетъ свои причины, выясненіе которыхъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія; но какъ бы то ни было, оно глубоко губительно отражается на пастырской дѣятельности духовенства. Расбиваясь своимъ вниманіемъ между церковью и огородомъ, священникъ очень нерѣдко положительно закрываетъ глаза на все, что выходитъ за сферу насущныхъ повседневныхъ интересовъ, и пастырствуетъ лишь постольку, поскольку требуетъ этого нынѣшній день и случайныя внѣшнія обстоятельства. Случился праздникъ — священникъ служитъ обѣдно, нужно крестить ребенка — священникъ креститъ, нужно напутствовать — священникъ напутствуетъ, но все это безъ углубленія внутрь дѣла, безъ взгляда въ священную суть его. У священника остаются лишь схемы пастырства, пастырская же идея, пастырская философія и пастырское творчество — это остается гдѣ-то тамъ, въ туманѣ ранней юности, въ самоувѣренныхъ семинарскихъ спорахъ, въ хорошихъ книгахъ, содержаніе которыхъ забыто...

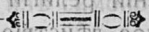
Многіе изъ священниковъ не продолжаютъ работы надъ собою послѣ школы. Да и данное школой не всѣми и не всегда удерживается въ сознаниі. Происходившая—можно сказать—на этихъ дняхъ въ Петербургѣ выставка печатнаго дѣла за 1908 годъ показала, что однимъ изъ самыхъ скудныхъ отдѣловъ въ нашей литературѣ за минувшій годъ было богословіе. Это, конечно, глубоко прискорбно. Но еще прискорбнѣе то, что эта литература насколько скудна, настолько же и непопулярна и мало распространена даже среди тѣхъ, кто долженъ бы имѣть къ богословію наиблизжайшее отношеніе. Въ самомъ духовенствѣ нашемъ недостаточно много интереса къ богословію, какъ къ теоретическому, такъ и къ практическому, а отсюда и неподготовленность наша къ дѣлу возрожденія церковной жизни, отсюда наша боязнь этого возрожденія. И очевидно, для устраненія этой боязни нужно работать надъ нашимъ образованіемъ, нужно пастырствовать не по шаблону, не по разъ проложенному руслу, нужно пробывать въ пастырствѣ новые пути, нужно творить. И если для переживаемаго момента является извинительнымъ, что рѣчи о возрожденіи прихода не прилагаются къ дѣлу, то уже совершенно непростительно, если кто—либо изъ пастырей не задумывается надъ этими рѣчами, не ставитъ вопроса о томъ, какъ же осуществить благотворныя начала тогда, когда пробьетъ для нихъ послѣдній часъ. Совершенно непростительно, если духовенство, не возрождая прихода, и не готовится къ его возрожденію, не сталкивается на эту тему между собою и на собраніяхъ своихъ трактуетъ не столько о томъ, что наиболѣе важно въ интересахъ вѣры и церкви, а все на эти старыя и мелкія темы „о сѣнѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ“. Повторяемъ: къ предстоящей трудной работѣ нужно готовиться, нужно начинать работу хотя бы пока въ мысли своей, въ самихъ себѣ. Но наряду съ этимъ нужно готовить къ предстоящей трудной работѣ и паству.

Съ давнихъ поръ, можетъ быть съ того самаго времени, какъ прекратились въ нашей церкви „освященные“ соборы, наша вѣра и ея „святое святыхъ“—евангеліе какъ то отдѣлились отъ жизни и встали въ сторонѣ отъ нея. По образному и красивому выраженію одного изъ симбирскихъ священниковъ, евангеліе въ золотомъ переплетѣ оказалось у насъ на золотомъ престолѣ какъ-бы скрытымъ отъ міра, поставленнымъ слишкомъ высоко отъ него. Религіозное освѣщеніе текущихъ вопросовъ

жизни, религіозно-церковные отзвуки на темы, выдвигаемыя временемъ, творчество въ церковномъ законодательствѣ, въ церковномъ уставѣ давно уже уступили (у насъ) мѣсто благоговѣйному любованію тѣмъ, что было раньше, что почиталось встарину. Какъ-бы разъ навсегда утвердились у насъ древнія формы и чинопослѣдованія, и проповѣди, и церковной жизни; какъ-бы разъ навсегда застыло все въ церковивъ въ каждомъ молитвенномъ звукѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ шагѣ. Въ церковномъ богослуженіи, напр., уже будто нѣкоторымъ диссонансомъ звучитъ всякое новое переложеніе старого или другого произведенія на неизвѣстную доселѣ музыку, впечатлѣніе чего-то рѣзкаго и — пожалуй — неумѣстнаго производитъ всякая новая молитва. Да даже старыя, но рѣдко читаемыя молитвы Госта вляютъ впечатлѣніе слишкомъ и острой и какъ-бы безпокоющей новизны. Таковы напр., молитвы и мектепнѣйшія прошенія, читаемыя на вечернѣ въ день Св. Троицы. Что же касается какихъ-либо реформъ въ вѣншнемъ строѣ церкви, то здѣсь каждое малѣйшее нововведеніе, которое обыкновенно представляетъ собою лишь незначительную передѣлку, какого-либо стараго установленія, вызываетъ такъ много предварительныхъ разсужденій, сомнѣній, колебаній, что реформы, кромѣ того, что являются очень нерѣшительными и половинчатыми, представляются еще какъ-бы вымученными, хилыми и малоплодотворными. Такъ въ красотѣ древнихъ формъ застыла наша церковная жизнь, получивъ своеобразный скульптурный характеръ. Между тѣмъ живая жизнь не любитъ остановокъ, хотя бы и красивыхъ. Она непрерывно идетъ впередъ, а потому понятно, что жизнь церковная и жизнь мірская разошлись, вставъ въ противорѣчіе одна съ другой. Но противорѣчіе, такъ же какъ и диссонансъ въ музыкѣ, непремѣнно требуетъ разрѣшенія. И русскій человекъ выходитъ изъ противорѣчія между вѣрой и жизнью, нашелъ въ томъ, что религію оставилъ для храма, для праздниковъ, для особыхъ исключительныхъ обстоятельствъ въ домашней жизни, изъ обычнаго же будничнаго обихода какъ-бы вычеркнулъ ее, избравъ здѣсь для себя особая руководящія нормы — научныя, политическія, эстетическія и т. дал. Само собою разумѣется, что при отнесеніи религіи только въ область храма и праздника благотворное дѣйствіе ея на жизнь, на совокупность многообразныхъ человѣческихъ отношеній должно было до чрезвычайности сужиться, а отсюда и произошло то

пониженіе общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи, на которое такъ много жалуются въ послѣднее время. Кромѣ того, поставленіе въ качествѣ руководящихъ началъ жизни въ практическихъ ея вопросахъ не религіи, а то науки, то искусства, то экономики должно было съ теченіемъ времени отвлечь вниманіе общества отъ религіи даже и въ храмѣ, даже и на время праздника, а отсюда — паденіе въ обществѣ той простой церковности, грозящее въ недалекомъ будущемъ принять западно-европейскія формы въ видѣ отказа родителей отъ крещенія дѣтей, родственниковъ — отъ погребенія умершихъ и т. под. Съ возрожденіемъ прихода въра и ея вопросы, стоявшіе доселѣ слишкомъ далеко отъ жизни, должны быть приложены ближе къ жизни, должны, такъ сказать, внѣдриться въ нее. Въ этомъ проникновеніи жизни върою и полагается сущность возрожденія. Понятно, что притрѣзкомъ переходѣ отъ одного порядка вещей къ радикально другому, при переходѣ отъ изолированности въры отъ жизни къ насыщенію жизни върою возможны всякія недоразумѣнія, катастрофы, способныя дать въ результатѣ, дѣль, горше первыя. Известно, что одна крайность вызываетъ другую. Римскіе папы не давали Библии мірянамъ, и съ такимъ положеніемъ дѣла католики мирились въ теченіе многихъ вѣковъ. Но явился Лютеръ и запротестовалъ противъ папскаго автократизма. Папа не позволялъ читать Библию, а Лютеръ разрѣшилъ ее толковать. И у насъ естественно ожидать, что мірская жизнь и ея представители міряне, стоявшіе до сихъ поръ вдали отъ въроисповѣдныхъ и церковныхъ дѣлъ, получивъ — съ возрожденіемъ прихода — возможность участвовать въ нихъ, легко уклонятся въ сторону вреднаго для церкви протеста и безпокойной несговорчивости. Поэтому то и необходимо раньше, чѣмъ опредѣленнымъ порядкомъ переустраивать церковную жизнь и возрождать приходъ, — раньше этого необходимо путемъ постепеннаго обновленія и оживленія проповѣдническаго слова, церковно-школьскаго дѣла и т. под. углубить религіозное сознание прихожанъ, чтобы они, когда настанетъ время, ни въ обсужденіи, ни въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ не теряли своей серьезности.

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VI.

Пастырь и паства.

Пасторъ, ксендзь и православный священникъ... Непосредственный взглядъ на этихъ представителей священническаго служенія устанавливаетъ опредѣленную разницу между ними, и не въ пользу послѣдняго изъ нихъ. Но при болѣе внимательномъ и строгомъ разсмотрѣннн характера священнослужителей разныхъ типовъ, мы найдемъ между ними и нѣсколько иную раз-

ницу. Безусловно, пасторъ — уменъ, ученъ, разсудителенъ, благороденъ и гордъ. Онъ вѣрить, и вѣра его опирается на десятки толстыхъ фолиантовъ, на исторію, на философію, на естествознаніе. Въ вѣрѣ пастора фундаментъ крѣпокъ, какъ гранитъ, и неоспоримъ, какъ наука, авторитетенъ, какъ умъ. А потому-то пасторъ и важенъ, и гордъ. И хорошо, конечно, вѣрить такъ ясно и просто, какъ ясно и проста логика. Но въ этой логически-ясной вѣрѣ есть свой драматизмъ. Питая мысль, разсудочная вѣра — холодитъ сердце, замораживаетъ душу. Эта вѣра влечетъ человека въ ученый кабинетъ, въ химическую лабораторію, въ университетскую аудиторію, но не въ храмъ, не въ сплоченную семью вѣрующихъ, не къ сердечному общенію съ ними. Висъ Богомъ, не къ молитвѣ. Впечатлѣніе удивительной холодности и страшной пустоты производятъ лютеранскія кирки во время праздничныхъ богослуженій. Нисто, свѣтло, богато, но холодно, холодно. Нѣтъ людей. Мужчинъ совсемъ почти нѣтъ. Интеллектуальная вѣра органически удерживаетъ ихъ дома, у письменнаго стола, у комментарія на библейскій текстъ. Кирки посѣщаютъ только женщины. Въ нихъ теплота Магдалины еще устояла передъ холоднымъ анализомъ ее Оумы. Въ нихъ еще горитъ желаніе нести къ Спасителю ароматы вѣры. Но развѣ есть живъ киркѣ Спаситель? Голыя стѣны, самый обыкновенный столъ вмѣстѣ трапезы Господней, нѣтъ даже знаменія креста, и непозволительно поклоны, и колѣнопреклоненія недопустимы. Вся чело-вѣческую душу съ безграничнымъ богатствомъ думъ и споры вовъ съ безконечнымъ разнообразіемъ душевныхъ настроеній долженствуетъ выразить органъ, *звучный*, но бездушный и потому *нѣмой*, какъ и всякая машина. Проповѣдь пастора искусна, содержитъ много ума, но много говорящая въ университетскомъ залѣ, она почти ничего не говоритъ въ храмѣ. Нѣтъ въ киркѣ дыханія божественнаго духа, и Магдалина грустна и скорбна, она какъ бы готова даже протестовать противъ холодной строгости культа, противъ ученой рѣчи пастора и тихонько отъ него створить свою интимную молитву и незаметно отъ него кладетъ свои поклоны. Молитва уже пастора и его слова далеко ей и чужды, какъ чужды и дадекъ ей самъ пасторъ, и потому Ксендзь ближе стоитъ къ своему народу. Его вѣра теплѣе и проще. Она можетъ и прѣть и ласкаться. Но и въ вѣрѣ Ксендзя есть свой большой разладъ. Трудно рѣшить, куда Ксендзь ведетъ въ своей вѣрѣ и въ своей молитвѣ свой народъ: къ

Богу или къ чему-то еще? Ксендзъ любить, чтобы костелы были многочисленны, обширны и богаты, чтобы на святыя алтари возносились жертвы пышныя и частыя, чтобы жизнь церковная представляла сплошной праздникъ съ блестящими церемоніями, съ многлюдными моленіями, съ далекими паломничествами, съ великими и страшными обѣтами *ad maiorem Dei gloriam*. И пасомый ксендза любитъ нарядность и красоту своего культа, любитъ праздновать, молиться и жертвовать. Къ пастырю своему онъ, пронесшій на себѣ въ свою культуру, привязанъ, какъ ребенокъ къ Приходу. Къ ксендзу на исповѣдь, католикъ съ трогательной, чисто дѣтской довѣрчивостію открывается ему во всѣхъ мельчайшихъ изгибахъ своей души, обнажаетъ все свое существо. Ксендзъ близокъ къ католику, и католикъ любитъ ксендза, но не ускользаетъ отъ вниманія католической паствы и то, что пастырь явяетъ своей кипучей энергической дѣятельности главный, почти весь свой интересъ сосредоточиваетъ не на томъ, что дороже и важнѣе всего для вѣрующаго сердца, а именно на томъ, что красиво на видъ, что блестяще по формѣ, что громче и больше *orbis* можетъ возвѣстить о силѣ католической церкви, что хорошо напоказъ. Но зачѣмъ, недоумѣваетъ иногда католикъ, зачѣмъ эта публичная демонстрація своей вѣры, этого нѣжнаго и благороднаго цвѣтка моего сердца, который не можетъ послужить вмѣсто флага уличной толпѣ, который не выноситъ грубости и грязи площади и который требуетъ обращенія самаго тонкаго и предупредительнаго? Зачѣмъ это? И сознаніе, и исторія подсказываютъ католику, что это необходимо для папы, для поднятія его престижа, для возвеличенія его авторитета во всемъ мірѣ, это необходимо въ интересахъ католичества и не только церковныхъ, но и политическихъ. Католикъ узнаетъ или вспоминаетъ, что его вѣра, его святыя чувства, его сердечный огонь — это въ глазахъ папы лишь цѣнное орудіе для церковно-гражданскихъ цѣлей, и что вся энергія ксендза, вся неуспяность его добротворенія надъ своей паствой, вся эта типичная пасомыхъ церемоніями и паломничествами — все это направляется не менѣе въ сторону славы римскаго престола, какъ и въ славу Божию. Служа небу, ксендзъ чуть ли не больше служитъ Риму; Бога онъ предпочитаетъ папѣ, ибо папа его императоръ, а онъ его рабъ, какъ и его рабами являются его пасомые. Едва католикъ созналъ или вспомнилъ все это, какъ ему стонувитъ душно и несносно подъ потическими сводами, предъ

нимъ воскресаютъ во всемъ своемъ ужасѣ кровопролитныя священныя войны, невѣроятныя инквизиціонныя пытки, всѣ черныя кошмары средневѣковья. Въ страшномъ и безобразномъ обличьѣ встаетъ передъ католикомъ его духовный пастырь, и свое отвращеніе къ нему онъ переноситъ на все его служеніе, на его проповѣди, на его святыни. Онъ оскверняетъ храмы, изгоняетъ изъ школы учителей вѣры и выноситъ изъ классовъ святое распятіе, всю церковную жизнь онъ съ негодованіемъ отбрасываетъ отъ своей государственной и общественной жизни и злокошунствуетъ надъ нею. Любовь пасомага къ пастырю смѣняется, такимъ образомъ, острой ненавистью, и тѣсная близость между ними уступаетъ мѣсто непримиримому разрыву.

Непосредственно и просто все въ православномъ священникѣ. Онъ вѣруетъ, не мудрствуя лукаво. Не рационалистическія соображенія лежатъ въ основѣ его вѣры, не философія служить ея фундаментомъ, метафизическія тонкости и абстрактныя туманности не являются для нея абсолютными цѣнностями. Въ основѣ православной вѣры лежитъ то, что, какъ основаніе, то наиболее прочно и устойчиво, — это религиозный опытъ. Православный вѣритъ не потому, что это умно, не потому, что дважды два четыре, а потому, что вѣрить хорошо фактически, что вѣра даетъ покой и отраду, что она къ высшему единству сводитъ всѣ противорѣчія жизни, что она одна указываетъ исходъ изъ антиномій мысли. Я вѣрю, съ вѣрой моей мнѣ покойно, отрадно и сладко, а потому вѣра моя дорога мнѣ и священна, потому и дорожу я неяснымъ знаменемъ, потому безъ кровной борьбы и не хочу выпустить этого знамени изъ рукъ. Коротко и просто. Вы будете говорить мнѣ о философіи? Но я спрошу васъ: что такое философія? Что есть истина? Истины въ философіи нѣтъ. Тамъ ее ищутъ, но не находятъ, и едва ли найдутъ. А потому оставьте при мнѣ мою вѣру. Вы скажете, что вѣру уничтожаетъ наука? Но развѣ вѣра и наука не двѣ совершенно разныя сферы со своими задачами и со своими путями? Для вѣры и науки необходимо свое существованіе, какъ необходимо отдѣльное существованіе для воздуха и воды, и смѣшеніе ихъ или раствореніе одной въ другой такъ же невозможно, какъ невозможно раствореніе или смѣшеніе неестественныхъ стихій. Да здравствуетъ наука, но оставьте при мнѣ и мою вѣру. Вы начинаете говорить о пригодности или непригодности моей вѣры для благоустройства

здѣшной жизни, для выработки формъ гражданственности и общественной, о политическомъ значеніи моей вѣры. Но я скажу вамъ: разсуждайте о политическомъ характерѣ моего credo, какъ вамъ угодно, опредѣляйте его общественную цѣнность какими хотите мѣрками, я же въ опредѣленіи цѣнности своей вѣры руководжусь критеріемъ не временной ея годности или полезности, а правды и истинности ея предъ судомъ вѣчности. Моя вѣра удовлетворяетъ мой духъ, который я считаю безсмертнымъ, и то — блаженствуетъ ли или же страдаетъ ради нея вся моя жизнь по внѣшней ея сторонѣ, по временнымъ ея формамъ, — это для меня является дѣломъ уже второстепенной важности. Ради счастья духа я готовъ на всѣ невзгоды и лишения тѣла. Такъ разсуждаетъ православный вѣрующей, ибо такъ учить его пастырь. Въ учительствѣ православнаго священника единственными вѣхами служатъ не великіе представители научной мысли, не ученые и не философы, а только святые. Не тому слѣдуетъ православный пастырь и не на того указываетъ своимъ пасомымъ, кто хорошо, умно или краснорѣчиво говорилъ о вѣрѣ, а на того, кто жилъ по вѣрѣ, кто многими годами возгрѣвалъ вѣру въ своемъ сердцѣ, кто воплотилъ ее въ своей жизни, выявилъ въ опытѣ своемъ, самымъ дѣломъ показалъ, что ничего въ свѣтѣ нѣтъ выше вѣры и ничего нѣтъ, что могло бы равняться съ нею по благотворности. Поэтому самага скромнаго сельскаго пастыря никакой мудростью не удивишь, никакимъ краснорѣчіемъ не поразитъ, никакими заманчивыми перспективами не увлечешь — носитель копытной, моудѣловой вѣры, онъ вѣритъ только дѣлу и цѣнить только его. Подвиги святыхъ и ихъ житія — вотъ гдѣ предметъ любованія православнаго пастыря. Недаромъ любовь къ жизни и подвигамъ святыхъ такъ давно и такъ легко сумѣлъ привить православный священникъ на родной массѣ. Святые вѣрили и были счастливы. За счастье вѣры своей они радостно шли умирать. Значитъ, — вѣра дѣйствительно даетъ счастье. Значитъ, — вѣрить нужно. Здѣсь, можно сказать, вся сердцевина православной проповѣди. Лишнихъ словъ православный проповѣдникъ не любитъ, — не потому собственно, что онъ лѣнивъ, бездаренъ или невѣжественъ, а потому, что дѣло вѣры представляется ему, какъ и всѣмъ православнымъ подвижникамъ — отшельникамъ, затворникамъ и молчальникамъ, — необычайно простымъ и яснымъ и вовсе не нуждающимся въ такихъ изслѣдованіяхъ и въ такомъ разглаголь-

ствованіи, какія такъ любятъ человѣческая мысль и человѣчскій языкъ. Немногословна была проповѣдь Христа и апостоловъ. Витійство было рѣдкимъ явленіемъ и среди ихъ святыхъ преемниковъ. Подъ конецъ своей жизни апостоль Іоаннъ все свое благовѣствованіе сократилъ въ одно предложеніе: «любите другъ друга». Многіе изъ христіанскихъ подвижниковъ всю силу своей вѣры, всю мысль о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, все сознаніе грѣховнаго человѣческаго паденія выражали въ краткой молитвѣ Іисусовой. Въ духовномъ царствѣ будущаго совершенно упразднится языкъ, сумолкнуть всякія слова, и однако будетъ вѣра, будетъ жизнь, будетъ богослуженіе. И здѣсь важна служба Богу не книжничествомъ и не словеснымъ искусствомъ, а дѣломъ и жизнью. Такъ говоритъ православное сознаніе: И несомнѣнно, что въ силу именно этого сознанія душа насъ такъ мало проповѣди, такъ же мало и богослуженія или вѣрнѣе мало въ богослуженіи красочности и яркости. Въ противоположность католикамъ, у насъ въ храмахъ блѣдно и скромно. Темные лики на иконахъ, тихіе огоньки лампадъ, не всегда стройное и не всегда звучное пѣніе пѣвчихъ, невнятное служеніе священника, одѣтаго въ поношенную ризу, добродушно ковыляющаго по амвону даже во время великаго входа и застѣнчиво читающаго по книжкѣ проповѣдь—что все это въ сравненіи съ величественными католическими костелами, со стрѣльчатыми разноцвѣтными стеклами, съ мозаикой, даже на церковномъ полу, съ громовыми органами, съ ксендзомъ декламаторомъ? У насъ есть своя внѣшность, но мы смотримъ на нее именно какъ на внѣшность, какъ на оболочку внутреннихъ состояній. И этой оболочкой мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ пользоваться какъ декораціей, какъ вывѣской для рекламированія духовнаго сокровища своей вѣры. Цѣня вѣру, какъ наше внутреннее благо, имѣющее смыслъ предъ тайной вѣчности и предъ очами Божіими, мы не придаемъ значенія популярности нашей вѣры въ интересахъ временныхъ, въ цѣляхъ политическихъ и под. Отъ внѣшней показности мы уходимъ со своей вѣрой въ глубь своего духа и выявлять свою вѣру хотимъ лишь на дѣлѣ.

Н. Колосовъ.

(Окончаніе будетъ).

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VII.

О будущемъ пастырства.

Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ сказать что либо о роли нашего духовенства въ дѣлѣ духовнаго обогащенія нашей родины, въ дѣлѣ культурнаго ея роста, указываютъ на такъ называемыя «историческія» заслуги духовенства, вспоминаютъ монаховъ—лѣтописцевъ, монаховъ—колонистовъ, митрополита Алексія, Пересвѣта и Ослябу, Авраамія Палицына, Никона, Прокоповича и др. И, несомнѣнно, «историческія» заслуги нашего духовенства предъ отечествомъ говорятъ за многое. Но никакъ не простиительно упускать въ данномъ случаѣ изъ виду и тотъ историческій же фактъ, что если сознанію почти каждаго изъ полутора ста милліоновъ насельниковъ нашей земли ясно предстоить Христось съ ярко раскрытою Божескою Своєю волею; если святымъ Христовымъ закономъ руководимся всѣ мы не только въ отношеніяхъ широкой общественной жизни, но и во всѣхъ мельчайшихъ случаяхъ жизни частной, домашней, будничной; если христіанская идея облекла собою все наше бытіе, какъ бы растворившись въ самомъ окружающемъ насъ воздухѣ;—то въ этомъ повинно почти исключительно наше духовенство, ибо никто, кромѣ него, не проповѣдовалъ намъ Христа и Его евангелія. Идея просвѣтити страну Христовымъ свѣтомъ принадлежала великому князю, но выполнение идеи и все дѣло просвѣщенія должно было нести на себѣ духовенство. И ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что оно несло его безъ успѣха. За короткое время мы по интенсивности и могучести вѣры не только сравнялись съ издревле—христіанскими народами, но—можетъ быть—и превзошли ихъ. Едва ли безъ основанія такіе вдумчивые и искренніе наблюдатели русской жизни, какъ, напр., К. С. Аксаковъ, могли назвать русскій народъ «наихристіаннѣйшимъ». Что-то глубоко-вѣрное и великое таитъ въ себѣ и это простодушное на видъ наименованіе Руси «святою». Кажется, за богатое накопленіе въ нашей странѣ религіозной энергіи достаточно можетъ говорить и то обстоятельство, что за всю длинную пору до-петровской Руси духовная жизнь наша вращалась исключительно вокругъ вопросовъ вѣры, около церкви, церковнаго благолѣпія, церковной уставности, церковнаго благо-

чинія. Вся древняя русская литература, гдѣ вѣрнѣ всего отображается народный духъ, носитъ на себѣ удивительно четкій отпечатокъ религіозности. Собственно говоря, здѣсь все, начиная съ поученія Луки Жидята и кончая повѣстью о Горѣ—злосчастьѣ, представляетъ собою церковную проповѣдь во имя Бога Отца и ради жизни будущаго вѣка. И послѣ Петра, когда русская духовная жизнь отъ религіозныхъ интересовъ стала отливать къ интересамъ чисто культурнымъ, въ подпочвенной сферѣ народнаго духа производилась прежняя работа религіозная. Въ то время какъ образованное русское общество черезъ прорубленное окно переговаривалось съ Европой, заимствуя оттуда коллегіи, ремесла, искусства, науки, мундиры и парики, низшій слой населенія попрежнему былъ занятъ своимъ богоискательствомъ и вмѣсто того, чтобы итти въ разные «бурги», шелъ въ наиболѣе дремучіе и глухіе лѣса, растекался по монастырямъ и скитамъ, университетской наукѣ предпочитая науку разныхъ старцевъ, «благословенныхъ» отцовъ, всевозможныхъ «христовъ» и истинно христіанскихъ подвижниковъ. Да и само образованное общество при видимомъ разрывѣ съ вѣковой народной жизнью по глубинѣ своего духа оставалось народно—религіознымъ. Это выражалось и въ той чисто религіозной страстности, съ какой оно отдавалось на служеніе идеямъ, то заимствованнымъ изъ христіанства и лишь узко или превратно понятымъ, каковы идеи братства, равенства и свободы, то не только заимствованнымъ изъ христіанства, но и правильно выраженнымъ. Здѣсь необходимо остановиться на той чертѣ въ нашей художественной литературѣ, которая наиболѣе часто упускается изъ вниманія. Имѣемъ въ виду то обстоятельство, что въ новой нашей литературѣ, создавшейся въ пору наибольшаго отъединенія высшаго общества отъ низшаго, не было почти ни одного сколько нибудь крупнаго писателя, который въ своемъ творчествѣ не подходилъ бы къ рѣшенію религіозныхъ, вѣчныхъ темъ. Карамзинъ, Жуковскій, Кольцовъ, Пушкинъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій, другой Толстой, Тютчевъ, Майковъ и т. д.—всѣ эти корифеи нашего словеснаго искусства оставили намъ десятки дивныхъ по глубинѣ мысли и по художественности красокъ страницъ, гдѣ мы видимъ и слышимъ муки той же алчущей и жаждущей вѣчной правды народнои души, которая выражалась и въ древнихъ твореніяхъ Иларіоновъ, Сильвестровъ, Полоцкихъ и Славинецкихъ. Замѣчательно, что даже такіе богоборные наши поэты,

какъ демоническій Лермонтовъ, словно неодолимою какой силой влеклись къ созиданію художественныхъ перловъ нѣжнѣйшей религіозной окраски («Молитва», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Ангель»...), наиболѣе же чуткіе въ религіозномъ отношеніи наши художники, каковъ, напр., титанически великій Достоевскій, умѣли такъ близко подойти къ религіознымъ и моральнымъ проблемамъ и такъ тонко, умно и религіозно коснуться ихъ въ своемъ обсужденіи, что кажется иной разъ — передъ нашими глазами стоитъ не поэтъ и даже не религіозный мыслитель, а призванный и убѣжденный служитель церкви, въ которую вѣруетъ народъ.

Такъ христіанство проникло во всѣ поры русской жизни, объединило въ ней самые разнородные элементы, сгладило углы и округлило рѣзкости. Если по-религіозному живетъ нашъ народъ, то и наша «интеллигенція» по-религіозному чувствуетъ и по-религіозному стремится. Она только на всегда религіозно мыслить. Но наблюдаемый въ настоящее время переломъ въ сознаніи русской интеллигенціи («Вѣхи») не сблизитъ ли ее съ народомъ и по этой линіи? Въ виду общей религіозности русскаго народа во всѣхъ его частяхъ, нѣкоторые изъ лучшихъ русскихъ людей и вѣрили въ великую его міровую миссію, и утверждали, что ничто грубое, низкое и животное никогда не прирастетъ къ благородной русской душѣ, что она всегда будетъ молиться небу и духу и никогда кумиромъ своимъ не объявитъ одно земное благосостояніе или одни интересы желудка. Тѣмъ болѣе никогда русскій человѣкъ не пойдетъ на безчеловѣчную борьбу за эти интересы, на разбой, на кровь, на революцію. «Революція невозможна въ русской землѣ», утверждалъ К. С. Аксаковъ. Пожалуй, необходимо уже сказать, что въ этомъ слишкомъ оптимистическомъ взглядѣ на русскаго человѣка есть значительная доля идеализаціи. Но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію то, что дѣйствительно во всѣхъ случаяхъ сколько-нибудь рѣзкихъ потрясеній русской жизни народная вѣра, подобно пружинѣ, замедлитъ и смягчитъ дѣйствіе всякаго принятаго народомъ толчка, а потомъ скоро и рѣшительно отброситъ этотъ толчекъ и совсѣмъ прочь. Такъ было всегда въ русской исторіи; это наблюдалось въ эпоху послѣдняго нашего освободительнаго движенія; то же должно быть и въ дальнѣйшемъ будущемъ. Русскій народъ — вѣрующій народъ. Душа его настроена на возвышенный ладъ. Преклоняется онъ лишь предъ подлинными, а не фальши-

выми цѣнностями. Вотъ какими чертами можно еще пока характеризовать нашъ народъ, и справедливость требуетъ сказать, что причина сравнительно высокой духовной культуры русскаго человѣка при низкомъ уровнѣ его умственнаго развитія—причина этого лежитъ и въ томъ великомъ, хотя и безвѣстномъ подвигѣ нашихъ батюшекъ, который вотъ уже многія сотни лѣтъ совершается посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, часто въ вопіющей нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Эти батюшки упорной и непрестающей своей работой умножали въ землѣ нашей Христову благодать, укрѣпляли вѣру, возгрѣвали любовь, ростили силу надежды и душевной твердости. И вотъ здѣсь—то—по нашему мнѣнію—и нужно видѣть главную заслугу нашего духовенства предъ родиной.

Много сдѣлало наше духовенство для родного прошлаго, усердно работаетъ оно и для настоящаго. Но должно сказать, что параллельно усердію духовенства всегда шло его безправіе, моральная приниженность, матеріальная скудость. Эти въ высшей степени неблагоприятныя условія для дѣятельности священника всегда сильно ее тормозили, иногда грозя совершенно парализовать. И только силою своего добраго духа нашъ священникъ превозмогалъ и почти превозмогъ неумолимый напоръ тяжелыхъ обстоятельствъ. Теперь съ внѣшней стороны положеніе священника значительно улучшилось, но совнутри его гложетъ теперь новый недугъ, можетъ быть, болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ прежніе. Само собою разумѣется, что всякій дѣятель непремѣнно заинтересованъ въ будущей судьбѣ своего дѣла. Далеко не безразлично, напр., для ученаго, работающаго надъ какимъ-нибудь научнымъ изобрѣтеніемъ или научной доктриной, будутъ ли его доктрина или изобрѣтеніе жить и послѣ него, или же они скоро будутъ отброшены какъ что-то бесполезное или гипотетическое. И всякій хозяинъ—частный ли или общественный—въ томъ только случаѣ съ увлеченіемъ можетъ работать надъ ростомъ и продуктивнымъ приложеніемъ тѣхъ или другихъ экономическихъ цѣнностей, когда онъ знаетъ, что хозяйство его будетъ продолжаться и послѣ него, а не будетъ пущено его легкомысленными преемниками въ „трубу“. Даже для самаго «механическаго» чиновника—канцеляриста должно быть важно значеніе того, работаетъ ли онъ надъ дѣломъ, имѣющимъ постоянное значеніе, или же онъ только надуваетъ мыльные пузыри. Что

имѣть большое значеніе для всякаго вообще дѣятеля. для священника имѣть значеніе огромное до исключительности. Для христіанскаго пастырства вопросъ о будущемъ его—это своего рода «быть или не быть». Вѣдь въ дѣлѣ пастырства все основывается на «*преемствѣ*» божественной благодати и всей полноты священническаго служенія, на духовно-наслѣдственной передачѣ ихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Христось таинственную власть іерейства далъ ученикамъ Своимъ, ученики преподали ее своимъ избранныкамъ, тѣ—своимъ и такъ далѣе до нашихъ дней, буквально и непреложно. Особая, священная и плѣнительная, сладость должна таиться въ сознаніи, что нить преемства при всѣхъ историческихъ пертурбаціяхъ, при всѣхъ волненіяхъ, какія колебали жизнь въ теченіе цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій, не порвалась ниразу, и каждый служитель Христова алтаря непремѣнно связанъ съ самимъ Великимъ Архіереемъ Христомъ нитью длинной, но единой. А отсюда и особое вниманіе и особое благоговѣніе пастырства къ тайнѣ преемства. Гдѣ есть эта тайна, тамъ есть и пастырство, какъ бы сами по себѣ низки ни были отдѣльные пастыри по духовнымъ своимъ качествамъ. Наоборотъ, нѣтъ пастырства и нѣтъ церкви тамъ, гдѣ не сохранилось преемства. И кто не знаетъ, что цѣлое новое солнце для нашихъ «австрійцевъ» открылъ бы тотъ, кто съ очевидной убѣдительностью сумѣлъ бы доказать, что ихъ священство органическою связью связано со священствомъ Христовымъ! Въ виду необычайно важнаго значенія въ пастырскомъ служеніи связи одной генераціи пастырей съ другой, и все наше современное русское православное пастырство не можетъ не волноваться вопросомъ, кому-то передать свое великое дѣло, найдетъ-ли для него достойныхъ, убѣжденныхъ, искреннихъ и стойкихъ преемниковъ, можетъ-ли оно сойти съ арены дѣятельности спокойнымъ за будущее тайны священства? При современномъ положеніи вещей этотъ вопросъ не можетъ не наводить наше пастырство не на грустныя размышленія, а на скорбныя и до болѣзненности тяжелыя думы. И въ тяжести этихъ именно думъ о будущемъ и крѣпится тотъ злой внутренній недугъ, о которомъ мы говорили выше, и который—несомнѣнно—мѣшаетъ нашему пастырству со спокойнымъ сердцемъ сосредоточить всю свою энергію на своей работѣ для настоящаго момента.

(Продолженіе будетъ).

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VII.

О будущемъ пастырства.

(Продолженіе).

Какъ-то такъ случилось, что уже съ давнихъ поръ наша духовная школа, эта разсадница нашего пастырства, оторвалась отъ церкви и даже отъ строго церковной среды и закружилась по своей собственной орбитѣ. Ни для кого не секретъ, что отъ нашей профессиональной школы далеко отлетѣлъ духъ церковности, отдавъ ее во власть всякихъ другихъ духовъ.—Предъ сознаниемъ духовно-школьныхъ дѣятелей нѣтъ теперь опредѣленной цѣли ихъ дѣланія; она предносится имъ лишь окутанная густымъ, непроницаемымъ туманомъ, далекая, непонятная, полузабытая. А если нѣтъ предъ дѣятелями опредѣленной цѣли, то нѣтъ у нихъ и опредѣленной программы, какъ известной скалы тѣхъ средствъ, которыя ведутъ къ осуществленію задачи. Забывшіе цѣль своей работы и утратившіе ея программу, наши духовно-школьные дѣятели «безъ руля и безъ вѣтриль» носятся въ пустомъ пространствѣ и выполняютъ не то, что нужно, а то, что—такъ сказать—попадаетъ подъ руку. Поэтому теперешнія семинаріи представляютъ что-то въ родѣ складочнаго мѣста, гдѣ преподаются какія угодно науки, готовятся работники чуть ли не на всѣ существующія жизненныя поприща, культивируютъ

ся самые разнообразные таланты и способности: богословские, философские, литературные, математические, артистические, технические и т. дал. Конечно, никого нельзя винить только за то, что онъ хочетъ услужить всѣмъ и каждому, но извѣстно также и то, что для хорошей и полезной услуги нужно свое хорошее же умѣнье. Берущійся за небольшое, но твердо, можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто касается всего, но слегка. Прочное знаніе спеціалиста мы всегда предпочтемъ поверхностной нахватанности диллетанта. Между тѣмъ, не чисто ли диллетантскій характеръ принимаетъ семинарія, ставя предъ собой задачу научить своихъ питомцевъ и богословію, и математикѣ, и французскому языку, и еврейскому, и тригонометріи, и живописи, и ремесламъ? Но если еще сколько-нибудь терпимъ диллетантъ-математикъ или диллетантъ-столяръ, то диллетантъ-богословъ, а тѣмъ болѣе диллетантъ-пастырь представляютъ собою явленіе уже уродливое и глубоко-печальное. Было бы лучше поэтому, если бы семинарія, отказавшись отъ соблазнительной репутаціи мастерицы на всѣ руки, отграничила общее образованіе отъ спеціальнаго и разные виды образовательнаго дѣла ввѣрила различнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ духовной школѣ было-го времени не наблюдалось такого явнаго и почти безразличнаго смѣшенія спеціальностей, какъ теперь: преподавая многое, прежняя семинарія, въ виду ясно еще сознаваемой своей цѣли, умѣла отдавать перевѣсъ одному — мысли о пастырствѣ. Старая духовная школа разнообразіе своей программы умѣла синтезировать центральной своей идеей, а потому она давала семинариста широкообразованнаго, но строго церковнаго, съ церковнымъ складомъ мыслей, съ церковнымъ строемъ всего его духа, съ церковными традиціями, даже съ церковными оборотами въ обычной рѣчи. Повторяемъ, что и теперешнюю семинарію нельзя винить только за одну широту ея программы. Но въ томъ ошибка современной духовной школы, что широту программы она распространила и на свою цѣль, сдѣлавъ ее до необъятности широкой же и опасно расплывчатой. Перенявъ отъ старой школы доброе желаніе знать многое, почти все, новая школа не усвоила ея искусства подчинять второстепенное главному и разнообразіе предметовъ сводить къ высокому единству. Въ силу этого, если старая семинарія поставляла семинариста много знающаго, но вмѣстѣ и глубоко-церковнаго, то теперешній се-

минаристъ и мало-свѣдушь и нецерковень*). Питомецъ нашей духовной школы просто какъ-то выцвѣлъ, полинялъ, обезличился, утративъ тотъ специфическій характеръ, который въ прежнюю пору такъ выгодно выдѣлялъ его изъ рядовъ всей другой учащейся молодежи. Неуясненность школьной задачи, программная вермишель, а также всѣ эти спектакли въ театрѣ и даже у себя дома, концерты, танцевальные вечера, участіе во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ гуляній, катаній, спортсменскихъ состязаній и т. дал.,—эти условія привели къ тому, что нѣтъ теперь у насъ прежняго пытливаго, ищущаго, серьезнаго и такого непадкаго на легкомысленныя удовольствія семинариста, а есть такой же щеголеватый и даже такой же капризный франтикъ въ семинарской фуражкѣ, какіе раньше ходили въ фуражкахъ гимназическихъ и разныхъ другихъ. Нельзя что-либо имѣть противъ свѣтскости, какъ свѣтскости, и ничего нельзя возразить противъ посѣщенія семинаристами спектаклей, концертовъ, вечеровъ, и т. под., какъ извѣстнаго рода эстетическаго развлечения. Наоборотъ, можно только привѣтствовать, что семинаристъ, вращаясь въ свѣтской средѣ, теряетъ историческую свою грубоватость и приобретаетъ тотъ внѣшній видъ, который необходимъ для всякаго, кто не хочетъ, чтобы отъ него отдалялись только ради его костюма, манеръ, выговора и т. далѣе. „По одежкѣ встрѣчаютъ...“ Эта древняя пословица долго еще—повидимому—будетъ оправдываться и въ наше новое время. И долго еще—повидимому—отъ изящества ботинокъ, отъ чистоты ногтей, отъ умѣнья кланяться будетъ—въ той или другой степени—зависѣть и успѣхъ человѣка въ извѣстной средѣ, а также и такое его положеніе въ ней, когда среда невидимымъ, но сильнымъ давленіемъ выдавливаетъ его изъ себя, какъ нагрѣтый сосудъ—пробку. Было въ высшей степени досадно и жалко, что прежній семинаристъ при всей своей серьезности и дѣловитости за грубоватость свою и аляповатость пользовался въ обществѣ обидной репутаціей и вмѣсто того, чтобы занимать въ жизни позиціи ближе къ аванпостамъ ея, долженъ былъ робко тѣсниться назадъ. Поэтому и нельзя не радоваться, что начался процессъ наружной шлифовки семинариста и сглаживанія въ немъ острыхъ угловъ бурсацизма. Но въ данномъ случаѣ очень

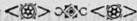
*) Во всей этой статьѣ мы говоримъ о семинаристахъ вообще, а не одной какой либо семинаріи, и не по личнымъ наблюденіямъ, а по общимъ сужденіямъ о нихъ. Н. К.

важно, чтобы, получая внѣшнюю шлифовку, семинаристъ не терялъ прежнихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ. Ничего, кромѣ глубокой симпатіи, не вызываетъ семинаристъ, который утромъ исполняетъ въ церкви обязанности чтеца, пѣвца или прислужника, днемъ работаетъ надъ какимъ-нибудь философскимъ трактатомъ, а вечеромъ смотритъ въ театрѣ хорошую пьесу или даже танцуетъ въ клубѣ вальсъ, на слѣдующій же день опять аккуратно является въ классъ, въ свое время приходитъ въ церковь и т. дал. Въ данномъ случаѣ важно такое сочетаніе дѣлового съ изящнымъ, такой синтезъ пріятнаго съ полезнымъ, въ которомъ предпочтеніе отдается не праздности и удовольствію, а труду и выполненію обязанности. Но бѣда въ томъ, что такого синтеза въ работѣ и отдыхѣ семинариста почти не бываетъ. По большей части онъ, при подвижности своего молодого темперамента, смотритъ на спектакли, на концерты и на танцы не какъ на способъ освѣжить себя въ своей работѣ перемѣной точки вниманія, а чуть ли не какъ на коренное свое назначеніе и на цѣль своего пребыванія въ стѣнахъ семинаріи. Питомецъ духовной школы не только посѣщаетъ театръ, но до страстности увлекается имъ, не только бываетъ на общественныхъ балахъ, но танцуетъ до упаду, до головной боли, до полной неспособности на другой день послѣ бала итти въ классъ. Многіе изъ духовно-школьныхъ дѣятелей жалуются на необычайно быстрый ростъ среди нашего юношества увлеченій то сценой, то танцами, то музыкой, то журналистикой. Въ пору увлеченія рѣдкіе умѣютъ владѣть собою. Нѣкоторые же доходятъ почти до болѣзненной мани, которая рисуетъ воображенію юноши, что онъ то великій актеръ, то знаменитый композиторъ, то будущій Леонидъ Андреевъ и т. дал. По чертежамъ воспаленной фантазіи юноша построяетъ всю свою школьную жизнь, и понятно, что учеба въ такой постройкѣ вгоняется въ самый далекій и темный уголъ. Здѣсь уже не синтезъ семинарскаго дѣла со свѣтскимъ изяществомъ, а своего рода жертвоприношеніе, гдѣ кумиромъ является свѣтскость, а жертвеннымъ матеріаломъ — семинарское дѣло. Ясно, что такое положеніе вещей означаетъ уже не менѣе, какъ рѣшительное отступленіе духовной школы отъ своей задачи, а потому и не можетъ считаться нормальнымъ. И тѣмъ болѣе ненормаленъ и нежелателенъ уклонъ духовной школы отъ церковныхъ традицій къ свѣтскости, къ сліянію съ міромъ свѣтской молодежи въ ея идеалахъ, въ ея

формахъ жизни, что—по наблюденіямъ людей, близко стоящихъ къ свѣтской молодежи—въ ея средѣ такъ мало въ послѣднее время чего-либо хорошаго, свѣтлаго, бодрого и вызывающаго на подражаніе.

(Окончаніе будетъ).

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VII.

О будущемъ пастырства.

(Окончаніе).

Не такъ давно одинъ изъ нашихъ публицистовъ въ остроумной своей статьѣ о русскомъ юношествѣ всѣхъ людей раздѣлилъ на двѣ категоріи: любопытныхъ и нелюбопытныхъ. Первые ищутъ того, что выше матеріальной обыденности жизни, что глубже фактовъ дѣйствительности. Они хотять знать и понимать тайну жизни, хотять проникнуть въ высшій и сокровенный смыслъ ея и потому они думаютъ, работаютъ, стремятся, жертвуютъ собой. Другіе же—нелюбопытные—инертны, пассивны, упорно смотрятъ внизъ, въ землю и живутъ на ней исключительно интересами желудка и пола. Ко второй малопочтенной категоріи человѣческаго рода публицистъ склоненъ отнести и современное русское юношество за его легкомысліе, за желаніе жить простотою естественной, почти животной жизни, за возведеніе въ апогеозъ грубыхъ человѣческихъ инстинктовъ, за узость идеаловъ, за общую распушенность, за лица „цвѣта хаки“, за тусклые глаза, въ которыхъ „отражаются будущіе Мукденъ и Цусима“... Хотѣлось бы спорить со слишкомъ—казалось бы—не тактичнымъ и опрометчивымъ на языкъ публицистомъ, но—къ глубочайшему огорченію—его острая характеристика нашей молодежи яркое подтвержденіе для себя находитъ въ наблюденіяхъ и другихъ лучшихъ представителей нашего общества. Такъ, А. С. Изгоевъ въ своей статьѣ въ „Вѣхахъ“ объ интеллигентной молодежи, совершенно согласно съ вышецитованнымъ публицистомъ, констатируетъ фактъ крайней половой распушенности нашего свѣтскаго юношества. Этотъ прискорбный фактъ достаточно убѣдительно иллюстрируется данными анкеты, произведенной приватъ-доцентомъ Членовымъ. Оказывается, что „изъ 967 студентовъ, указавшихъ точное время своихъ пер-

выхъ половыхъ сношеній, 61% юношей начали ихъ не позднѣе 17 лѣтъ, при чемъ 53 мальчика начали ихъ въ возрастѣ до 12 лѣтъ, 152 ребенка въ возрастѣ до 14 лѣтъ.“ „Когда — пишетъ по поводу этой своего рода моральной панамы А. С. Изгоевъ — въ одномъ журналѣ появились рассказы, описывавшіе „паденія“ восьми-девяти-лѣтнихъ мальчиковъ, въ печати нашей пронесся крикъ негодованія. Негодованіе было справедливо, поскольку авторы рассказовъ смаковали передаваемые ими подробности гибели дѣтей, поскольку они гнались только за сенсаціей, за модной, щекочущей темой. Но въ этомъ негодованіи слышалось и позорное лицемѣріе. Иные критики спрашивали: съ кого они портреты пишутъ? Съ кого? Къ несчастію, съ дѣтей русскаго общества и, къ сугубому несчастію, съ дѣтей *интеллигентскаго профессивнаго общества*“ *). „Вѣнцомъ познанія“ для многихъ изъ современной молодежи являются—по Изгоеву—такія творенія, какъ „Санинъ“ Арцыбашева или „Полъ и характеръ“ Вейнингера,—фактъ, который не заставляетъ радоваться. Удѣляя огромную сумму энергіи и вниманія предметамъ низшаго порядка, юношество наше работаетъ поразительно мало. На гимназію современный ребенокъ смотритъ лишь какъ на неизбѣжное зло, которое „нужно претерпѣть съ возможно меньшимъ для себя ущербомъ: надо получить наилучшія отмѣтки, но отдать школѣ возможно меньше труда и глубоко спрятать отъ нея свою душу“. Въ цѣляхъ полученія хорошихъ отмѣтокъ молодежь объ-являетъ законными всѣ средства: обманъ, хитрость, притворное униженіе“.. Не работая надлежащимъ образомъ въ гимназіи, наше юношество отказывается дѣлать что-либо и въ университетѣ. „Студенты, точно гимназисты, читаютъ на лекціяхъ постороннія книги, газеты, переговариваются и проч., проч. Самое посѣщеніе лекцій происходитъ черезъ пень-колоду, случайно,

*) *Примѣчаніе:* Если за развѣнчаніе почти неприкосновенной до сихъ поръ интеллигенціи на авторовъ сборника „Вѣхи“ обрушилась значительная часть нашей печати и общества, то многіе изъ лучшихъ русскихъ людей давно уже держались образа мыслей, объявленнаго „вѣховцами“. Фактъ, заслуживающій примѣчанія: въ одномъ изъ своихъ писемъ, только что собранныхъ и изданныхъ Бочкаревымъ (цѣна 1 рубль), А. П. Чеховъ пишетъ: „я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, лицемѣрную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнливую, не вѣрю даже тогда, когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходятъ изъ ея же нѣдръ. Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи, — интеллигенты они или мужики, — въ нихъ сила, хоть ихъ мало“.

больше для регистраціи. Откровенно говоря, русское посѣщеніе лекцій не можетъ быть признано за работу, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ студентъ въ университетѣ, за исключеніемъ практическихъ занятій, *вовсе не работаетъ*. Онъ „работаетъ“, и при томъ лихорадочно, у себя дома передъ экзаменами или репетиціями, зубря до одуренія краткіе, приспособленные къ программѣ учебники или размножившіеся компендіумы“... Однимъ словомъ, по рѣшительному заявленію г. Изгоева, „русская молодежь *мало и плохо учится*, и всякій, кто ее искренно любитъ, обязанъ ей постоянно говорить это въ лицо, а не пѣть ей диѳирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социальнo-политическаго характера того, что сплошь и рядомъ объясняется слабой культурой ума и воли, нравственнымъ разгильдяйствомъ и привычкой къ фразерству“. Обучаясь въ школѣ, русское юношество презрительно относится къ наукѣ, считаетъ ее „буржуазной“, и въ результатѣ этого является то, что, окончивъ университетъ, русскій юноша не умѣетъ „толково излагать свои мысли, не знаетъ азбуки физическихъ наукъ, не знаетъ географіи своей родины, основныхъ фактовъ русской исторіи“... Можетъ быть—спрашиваетъ г. Изгоевъ—университетъ служить для юноши по крайней мѣрѣ подготовительной школой для общественной жизни? Вѣдь здѣсь—эти постоянныя сходки, здѣсь свои кассы, общества? Но нѣтъ, и въ общественномъ отношеніи университетъ не подготавливаетъ молодежь къ жизни. Университетскія общества, кассы—это не школа общественности, а лишь „простое кипѣніе“, которое, отнимая у студента все его время, не даетъ ему ничего, кромѣ „видимости содержания“. На своихъ сходкахъ студенты не научаются даже настоящему искусству говорить. „Наша студенческая толпа,—пишетъ г. Изгоевъ,—стадна и нетерпима; ея сужденія упрощены и болѣе опираются на страсть, чѣмъ на разумъ. Популярныя ораторы студенческихъ сходокъ всегда поражаютъ убожествомъ мыслей, безъ-образностью своей рѣчи. Они исходятъ изъ опредѣленнаго канона, говорятъ афоризмами и догматическими положеніями“. Но какъ ни низкопробна наша молодежь въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, она еще находитъ въ себѣ достаточно отваги для того, чтобы считать себя мыслящей, передовой и чуть ли не героической. „Въ кабакахъ и въ мѣстахъ похуже передовые студенты любить пѣть „Дубинушку“ и „Укажи мнѣ такую обитель“. Самое

тягостное впечатлѣніе,—говорить г. Изгоевъ, —производитъ „эта невозможная смѣсь разврата и пьянства съ красивыми словами о несчастномъ народѣ, о борьбѣ съ произволомъ“. Но не лучшее впечатлѣніе производитъ наша молодежь и въ обычномъ теченіи своей жизни, когда она, сама отказываясь отъ всякаго серьезнаго и отвѣтственнаго дѣла, позволяетъ себѣ высокомерное и непочтительное отношеніе къ окружающему обществу: бойкотируетъ иногда лучшихъ профессоровъ (здѣсь Изгоевъ вспоминаетъ исторіи съ профф. Введенскимъ, Иванюковымъ, Мануиловымъ), презираетъ родителей, отрицаетъ товарищей, которые не успѣли еще подняться до высоты санинскихъ идей.

Если такова дѣйствительно свѣтская молодежь, какой представляютъ ее близко знакомые съ ней люди, то утѣшительно ли, что семинаристъ, этотъ крѣпкій, дѣловитый и серьезно настроенный до сихъ поръ юноша, лучшимъ идеаломъ своимъ считаетъ быть не отличеннымъ отъ гимназиста и высшимъ счастьемъ—быть облеченнымъ въ студенческую тужурку по формѣ и по духу? Явно, что здѣсь полнота прежней духовной жизни семинариста идетъ на убыль, грозя ему въ будущемъ духовнымъ измельчаніемъ, умственной, а также и физической дряблостью и непригодностью для энергической работы въ жизни. А потому-то и не можетъ наше пастырство не беспокоиться за свое будущее, потому-то, неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ своего дѣла, оно и не можетъ не страдать острымъ внутреннимъ страданіемъ. Это какъ будто понялъ посторонній свѣтскій человѣкъ, и вотъ онъ идетъ къ нашему духовенству на помощь. Онъ какъ бы хотеть предупредить духовное юношество отъ его малопродуманнаго увлеченія свѣтскостью, свѣтскими идеалами, свѣтскимъ бытомъ. Мрачными красками нарисовавъ образъ современнаго свѣтскаго юношества, г. Изгоевъ замѣчаетъ: „въ Россіи самая крѣпкая физически часть націи, духовенство, пройдя черезъ интеллигенцію, мельчаетъ и вырождается, даетъ хилое, золотушное, близорукое потомство“

Итакъ, что же? Духовное юношество непременно хотеть пройти черезъ свѣтскость? Оно непременно хотеть стать хилымъ, золотушнымъ, близорукимъ и физически и духовно выродиться?

Здѣсь стоитъ остановиться и серьезно подумать.

П. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VIII.

Проблема семьи.

„Святїи мученицы, добръ страдальчествовавши и вѣнчавшіеся, молитесь къ Господу помиловаться душамъ нашимъ“.

Одинъ выдающійся мыслитель-юристъ сказалъ: „мы можемъ измѣнить направленіе и силу вѣтра, но вѣтеръ всегда останется неизмѣннымъ: мы можемъ бороться со стихіями моря или огня, но стихіи навсегда останутся непобѣдимыми“. Это крылатое выраженіе знаменитаго мыслителя невольно припомнилось намъ при сопоставленіи семинаристовъ двухъ типовъ: стараго и новаго. Разница здѣсь оказалась огромная, несходство — полное. Очевидно, новые методы семинарскаго строенія въ конецъ измѣнили прежняго семинариста и изъ духовнаго сдѣлали

его не-духовнымъ, изъ церковнаго—не-церковнымъ и даже изъ религіознаго—не-религіознымъ. Обликъ семинариста измѣнился рѣзко. Это внѣ всякаго сомнѣнія. Но коснулось-ли это измѣненіе того, что скрывается за обликомъ, распространилось ли оно на душу семинариста, переродило ли сущность ея и сгладило ли остроту ея вѣчныхъ запросовъ? Конечно, нѣтъ. Если неизмѣнны вѣтеръ, море или огонь, если неизмѣнна сущность стихій, то тѣмъ болѣе неизмѣнна сущность человѣческой души съ ея исконнымъ порываніемъ въ міръ идеаловъ и съ ея неутолимой жаждой абсолютнаго знанія и абсолютнаго самоосвященія. И если, слѣдовательно, мы видимъ теперь семинариста нецерковнаго и нерелигіознаго, то это не значитъ, что въ семинариствѣ замеръ религіозный нервъ, что религія потеряла для него свой смыслъ и свою энергію,—нерелигіозность современнаго семинариста говоритъ не о параличѣ религіозной стороны его духа, не объ измѣненіи сущности его внутренней природы, а только о перемѣнѣ вліяній на эту его природу, объ измѣненіи атмосферы, которой дышитъ семинариствѣ, о наличности на него новыхъ вліяній, не убивающихъ, а только усыпляющихъ или вѣрнѣе пробуждающихъ религіозной стороны жизни семинариста. Раньше были одни условія церковнаго и религіознаго возрастанія семинариста, и семинариствѣ былъ и церковенъ, и религіозенъ. Теперь религіозная жизнь семинариста поставлена въ иныя, чѣмъ раньше, условія, и теперь у него почти совсѣмъ нѣтъ религіозной жизни. Попробуйте перемѣнить условія, и семинариствѣ станетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по идеѣ духовной школы. Въ лѣтнюю пору прорѣзывающій поле ручей и самъ живетъ бойкой, а иногда и бурной жизнью и оживляетъ все вокругъ; но наступаетъ зима, и на мѣстѣ веселаго и жизнерадостнаго ручья царитъ такой же мертвый покой и такая же мертвая тишина, какъ и на много верствъ вокругъ. Значитъ ли это, что ручей умеръ? Понятно, нѣтъ. Исчезли только условія для проявленія его жизни, только разсѣялась благотворная для него атмосфера лѣта, но собственная его жизнь еще воскреснетъ. Вотъ только придетъ животворная весна, и ручей опять забурлитъ и заиграетъ. Пробудится и религіозная жизнь семинариста, едва теперешнія холодныя и замораживающія „зимнія“ условія ея развитія смѣнятся другими болѣе теплыми, ласковыми, «весенними». Боже насъ сохрани желать возвращенія прежнихъ нашихъ старинныхъ условій религіознаго образо-

ванія семинариста во всей ихъ совокупности. Да, здѣсь было много хорошаго и цѣлесообразнаго, но вмѣстѣ съ этимъ было немало и примитивно-грубаго и прямо вреднаго. Въ старой бурсѣ семинаристъ легко дѣлался религіознымъ, но легко же и терялъ всякую религіозность. Изъ бурсы шли во священники, изъ подъ низкихъ и мрачныхъ ея сводовъ поднимались на самыя высокія ступени человѣческаго служенія; но бывало и такъ, что съ высотъ этого служенія скатывались на самое дно жизни, опускались въ грязныя ея болота и въ черныя омуты. Въ старой бурсѣ люди непоколебимой религіозной убѣжденности сплошь и рядомъ обращались въ людей, махнувшихъ рукой на все, кромѣ синяго кувшина. Методика старой духовной школы была проникнута, кажется намъ, характеромъ излишней фанатичности и своеобразной черезмѣрности въ способахъ религіознаго возбужденія и религіознаго развитія. Она дѣйствовала, какъ излишне-обильныя блюда для голоднаго, какъ утроенная или учетверенная доза лекарства для больного. Рѣшительныя мѣропріятія прежней духовной школы не всѣмъ были по силамъ: одни выдерживали тяжеловѣсность ея методическихъ приемовъ, другіе же—преимущественно наиболѣе хрупкія и нѣжныя натуры—гнулись и ломались подъ этой тяжеловѣсностью и со страхомъ бѣжали отъ духовной школы прочь, ненавидя, гнѣвно плача и истерически смѣясь... Нѣтъ, наша рѣчь не о старыхъ приемахъ семинарскаго образованія, а о такихъ новыхъ, которые дѣйствительно дѣлали бы семинариста семинаристомъ. Но въ чемъ же нужно видѣть эти приемы? Трудно отвѣтить на этотъ многогранный и сложный вопросъ, и мы даже не претендуемъ на сколько-нибудь удовлетворительное его рѣшеніе. Въ данномъ случаѣ мы хотѣли бы только сказать, что для того, чтобы происходящій изъ духовной среды юноша былъ подлинно духовнымъ, церковнымъ и религіознымъ,—для этого существенно необходимо дѣло его воспитанія начинать вовсе не съ семинаріи и не со школы вообще, а съ первыхъ же дней его сознательной жизни въ семьѣ, съ первыхъ его шаговъ, съ колыбели. Хотимъ высказать давно избитую, но—къ сожалѣнію—такъ часто у насъ забываемую мысль, что школьному образованію и воспитанію должно предшествовать воспитаніе и образованіе семейное, домашнее. Поразительно, какъ часто забываютъ у насъ объ этой элементарнѣйшей истинѣ. А можетъ быть объ этомъ у насъ совсѣмъ и не знаютъ? Невольно задаешь себѣ этотъ вопросъ, ко-

гда внимательнѣе присматриваешься къ семейной жизни нашихъ батюшекъ, матушекъ, о.о. діаконовъ и далѣе внизъ по рангу. Есть ли здѣсь хотя бы какое-нибудь образованіе или воспитаніе? Можетъ быть ошибаюсь, но такъ и кажется, что нѣтъ здѣсь никакого воспитанія и нѣтъ никакого образованія. Если же и есть въ нашихъ духовныхъ семьяхъ какая-либо образовательная система, то развѣ та система знаменитаго Руссо, которая отрицаетъ всякія системы воспитанія. По всѣмъ сторонамъ жизни дѣти нашего духовенства въ до-школьномъ своемъ возрастѣ почти исключительно предоставлены самимъ себѣ. Начнемъ съ *религіи*. Едва ли въ воспитательномъ отношеніи можно считать за что-либо положительное тѣ принудительныя побужденія ходить въ церковь или складывать руки для принятія благословенія, что въ духовныхъ семьяхъ представляетъ чуть ли не единственное средство возбужденія и утвержденія въ ребенкѣ духа религіозности. Для развитія *интеллектуальнаго* духовная семья также не располагаетъ необходимымъ матеріаломъ и нужными средствами. Сравнительно въ очень немногихъ священническихъ домахъ имѣются, напр., сколько-нибудь приличныя бібліотеки, не говоря уже о какихъ либо-другихъ полезныхъ для умственного развитія дѣтей пособіяхъ. Когда минувшимъ лѣтомъ по селамъ Ардатовскаго и Алатырскаго уѣздовъ ходило воззваніе одного священника, приглашавшее духовенство къ посильному пожертвованію книгами на образованіе при вновь открытомъ Алатырскомъ епархіальномъ училищѣ бібліотеки, то многіе изъ батюшекъ говорили: «Что же мы будемъ жертвовать? Какія у насъ книги!» И—дѣйствительно—у батюшекъ, обремененныхъ многочисленными, почти безчисленными семьями, не оказывалось ниодной книжки даже для дѣтскаго чтенія. Какую же—спрашивается—умственную пищу могутъ получать дѣти въ такихъ безкнижныхъ домахъ? Говорить объ *эстетическомъ* образованіи въ духовныхъ семьяхъ нѣтъ уже совсѣмъ никакой возможности. Домашняя обстановка здѣсь почти всегда скудна, убога и мало изящна. Это или потому, что батюшка съ матушкой бѣдны, или потому, что батюшка съ матушкой скопидомы, или же потому, что они сами эстетически не развиты. Въ интересахъ эстетическаго развитія духовнаго ребенка въ широкихъ размѣрахъ можно бы использовать деревенскую близость къ природѣ, иногда довольно богатой и разнообразной. Но для этого нужно предпринимать правильно организованныя прогулки, экс-

курсії, паломництва, рыбалки, пикники, нужно учиться коллекционерному искусству, искусству рисования, фотографированию и т. под. Но этому опять мѣшаютъ то бѣдность, то косность, то недосугъ, то просто невѣжество. Мало дѣлаетъ духовная семья и въ отношеніи *воспитанія воли* ребенка. Съ одной стороны, благодаря заваленности отца различными обязанностями и обремененности матери различными домашними заботами, а съ другой стороны, благодаря характерной неустроенности и двойственности священническаго быта, гдѣ культурный строй жизни борется или—вѣрнѣе—смѣшивается съ патриархальными устоями жизни деревенской,—благодаря этому, а также упомянутымъ выше причинамъ въ видѣ то бѣдности, то косности нашего духовенства, духовные родители менѣе всего выражаютъ желаніе слѣдить за постепеннымъ развитіемъ своихъ дѣтей и считаются съ ихъ капризами, плачемъ, законными и незаконными требованіями, съ хорошими или дурными привязанностями. «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало», лишь бы не мѣшало родителямъ дѣлать ихъ дѣло, пользоваться ихъ отдыхомъ, имѣть свои удовольствія. Только что приведенная поговорка считается народной, но очень вѣроятно, что впервые ее формулировалъ какой-нибудь родитель изъ духовенства. Такъ не любятъ наши батюшки заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, такъ настойчиво они хотятъ быть подалеже отъ нихъ и такъ охотно предоставляютъ имъ неупорядоченную свободу на лонѣ природы, на просторѣ луговъ и полей, въ обществѣ работниковъ, кухарокъ, нянекъ и крестьянскихъ ребятишекъ! Какое ужъ тутъ воспитаніе характера, если это воспитаніе требуетъ неусыпнаго вниманія къ дѣтской душѣ, если оно возможно только подъ условіемъ тщательнаго обереганія cadaго шага ребенка, cadaго его движенія, cadaго маленькаго его помысла и cadaго трепетнаго порыва. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ надъ душой духовнаго ребенка нѣтъ никакого сколько-нибудь зоркаго ока. Его внутреннее развитіе опредѣляется не какой-либо правильно поставленной методикой и не опредѣленной какой-либо педагогической системой, а фактами совершенно случайными и капризными. Духовный ребенокъ растетъ на свободѣ, на ряду съ хорошимъ получая отъ нея неизмѣримое количество всякаго зла: на единицы пшеничнаго зерна здѣсь приходится тысячи плевель. Конечно, примѣненіе къ дѣлу воспитанія извѣстныхъ опредѣленныхъ системъ можетъ быть продуктивно лишь въ

тѣхъ случаяхъ, когда—съ одной стороны—примѣняемая система хороша сама по себѣ, и когда—съ другой стороны—эта хорошая система хорошо извѣстна воспитателю. Въ противныхъ же случаяхъ отсутствіе всякой педагогической системы лучше наличности системы плохой и плохо понятой. Объ этомъ очень ярко сказалъ Писаревъ, въ рядѣ своихъ литературно-критическихъ статей твердо и ясно обосновавшій принципъ, что лучше не воспитывать, чѣмъ воспитывать плохо. Намъ же лично кажется, что прямо даже необходимо отказываться отъ книжнаго—методическаго воспитанія, когда мы вмѣсто плохихъ и плохо нами понимаемыхъ педагогическихъ системъ можемъ предложить дѣтямъ живые личные наши примѣры добраго поведенія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что воспитаніе путемъ живыхъ конкретныхъ образовъ должно дѣйствовать на душу ребенка безконечно глубже и полнѣе, чѣмъ воспитаніе книжническое, методическое, воспитаніе путемъ умныхъ и ученыхъ системъ. Извѣстно, что слова, хотя бы и идеально хорошія слова, только назидаютъ, между тѣмъ какъ живые, хотя и далеко не идеально-яркіе примѣры способны увлекать и поработать. И само собою разумѣется, что ни звука упрека нельзя бы было высказать по адресу нашего духовенства, если бы оно, не примѣняя къ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей тѣхъ или другихъ педагогическихъ системъ, болѣе заботливо воспитывало ихъ живымъ примѣромъ своей собственной жизни, своего поведенія, воспитывало бы ихъ образомъ своимъ, своей любовью, духомъ, чистотою. Но въ томъ и состоитъ тяжскій грѣхъ нашего духовенства, что, не воспитывая своихъ дѣтей буквою системъ, оно мало воспитываетъ ихъ и духомъ своей жизни. Наблюденіе надъ нашимъ духовнымъ бытомъ заставляетъ насъ сказать, что очень часто священникъ, будучи хорошимъ и полезнымъ для прихода, оказывается плохимъ, а иногда даже и вреднымъ для дѣтей. Это, во первыхъ, потому, что прихожане видятъ священника и священническую жизнь не такъ близко и не такъ часто, какъ живущій въ семьѣ священника ребенокъ, а, во вторыхъ, потому, что ребенокъ по самому своему возрасту гораздо впечатлительнѣе, гораздо требовательнѣе и нетерпимѣе, чѣмъ взрослый прихожанинъ. Послѣдній благодаренъ своему пастырю за то небольшое хорошее, что въ немъ есть; ребенокъ же склоненъ отвернуться отъ своего отца священника и за то небольшое дурное, что въ немъ хо-

тя бы какъ-нибудь и случайно открылось для его чуткой мысли или для чуткаго сердца. Прихожанинъ знаетъ своего священника, какъ совершителя Божьихъ Таинъ, какъ проповѣдника поста, воздержанія, нестяжательности, кротости, смиренія и т. под. Хорошо священникъ служить, хорошо проповѣдуетъ, хорошо наставляетъ прихожанина въ домашней его жизни, и прихожанинъ склоненъ смотрѣть на священника, почти какъ на пастырскій идеаль. Наблюдать же, въ какой степени священникъ является вѣрнымъ своему дѣлу и своей проповѣди,—это при близости нашего прихожанина къ священнику или священника къ прихожанину хотя и возможно, но именно не такъ часто и не такъ непосредственно, какъ это возможно для священническаго ребенка. Отъ критицизма прихожанина священникъ легко можетъ укрыться, если онъ не будетъ нарушать постовъ публично, не будетъ публично курить, будетъ отказываться отъ угощенія на поминкахъ или на свадьбахъ, не будетъ считать своихъ доходовъ и щелкать костяшками своихъ счетовъ при народѣ и т. под.; для того же, чтобы спастись отъ критицизма и отъ отрицанія своего ребенка, священникъ долженъ быть осторожнымъ и строгимъ къ себѣ не только на людяхъ, но и наединѣ съ самимъ собою, въ интимнѣйшей домашней своей обстановкѣ, во всей полнотѣ своей личной жизни, въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ намекѣ. Въ домашней жизни священника все находится подъ контролемъ его собственнаго ребенка, гораздо болѣе строгимъ, чѣмъ контроль консисторіи и архіерея. Контроль ребенка—это буквально то же, что контроль совѣсти. Какъ совѣсть не проститъ человѣку малѣйшаго его уклона въ сторону грѣха, такъ и ребенокъ затрудняется простить своего отца священника, если рядомъ съ его церковнымъ торжественно-таинственнымъ дѣломъ и рядомъ съ его церковною проповѣдью, представляющею—собственно—повтореніе проповѣди Самого Христа и его святыхъ апостоловъ,—если на ряду съ этимъ онъ находитъ въ своемъ отцѣ или излишнюю наклонность къ свѣтскимъ развлеченіямъ, или пристрастіе къ табаку, или любовь къ деньгамъ, или нелюбовь къ своимъ дѣтямъ или прихожанамъ и т. под. Отъ такой расколотости души священника въ маленькой душѣ священническаго сына начинается огромная буря, потрясающая все его хрупкое существо, давящая его мысль непримиримыми антиноміями, отравляющая его сердце нестерпимою горечью, наталкивающая его волю на многое

грубое, рѣзкое и крикливое. Иногда такая буря способна совершенно опустошить юную душу ребенка, совершенно вывѣтриваетъ ее, обращаетъ въ ту легкую соломенку, которой своевольно играетъ злой и неодолимый водоворотъ. Отъ маленькой искорки можетъ произойти пожаръ огромнаго города; подобно этому, отъ маленькаго противорѣчія во внутренней жизни священника можетъ разыгратъся опустошительный ураганъ въ душѣ священническаго сына. Вѣдь въ лицѣ родителей для ребенка на первыхъ стадіяхъ его развитія сосредоточивается вся жизнь, весь міръ, вся вселенная. Родительскій авторитетъ замѣняетъ для ребенка авторитетъ всей науки, всей житейской практики, всего человѣческаго опыта. И если у ребенка зародилось недовѣріе къ своимъ родителямъ, если въ его глазахъ упалъ родительскій авторитетъ, то для него можетъ обрушиться и весь міръ, можетъ потерять для него цѣнность и вся жизнь. Недовѣріе къ родителямъ и разочарованіе въ ихъ дѣлѣ ребенка легко можетъ перенести и переносить на всѣхъ людей, на всѣ людскія отношенія. Изъ человѣка бодрого и здороваго духомъ такъ просто и такъ быстро—поэтому—формируется мизантропъ, скептикъ, ипохондрикъ, вносящій всюду духъ сомнѣнія, раздраженія и отрицанія и служащій не созиданію жизни, а постепенному ея развалу.

(Продолженіе будетъ).

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VIII.

Въ результатѣ того, что наше духовенство въ суматохѣ своей дѣятельности отводитъ слишкомъ непочетное мѣсто вопросу о воспитаніи дѣтей, является то глубоко-печальное обстоятельство, что въ наши духовныя училища обыкновенно представляются дѣти или совершенно чуждыя самыхъ необходимыхъ культурныхъ навыковъ или же—извиняюсь за вульгарность выраженія—такіе „архаровцы“, такіе юные «саврасы безъ узды», что чрезъ самый незначительный срокъ времени духовныя училища превращаются по ихъ милости въ какой-то хаотической конгломератъ безпардонныхъ золоторотцевъ. Говорятъ, что за послѣднее время значительно поднялся общій строй духовныхъ училищъ, и значительно очистилась общая ихъ атмосфера. Дай Богъ! Но позволю себѣ обратиться своимъ—далеко не старческимъ—воспоминаніемъ всего за десять лѣтъ назадъ. Боже мой! Какіе ужасные призраки встаютъ предъ моимъ мысленнымъ взоромъ при каждомъ воспоминаніи о томъ духовномъ училищѣ, въ которомъ я учился! Во всей той картинѣ, какую представляло это духовное училище десять лѣтъ тому назадъ, я при всемъ напряженіи своего вниманія не вижу ни одного свѣтлаго пятна, ни одной сколько-нибудь яркой точки! Всякій разъ, когда я пытаюсь дать себѣ сознательный и трезвый отчетъ въ томъ, чѣмъ было для меня духовное училище, чѣмъ оно меня обогатило, въ чемъ выразилось его благодѣтельное воздѣйствіе на меня,—всякій разъ въ такихъ случаяхъ я неизмѣнно переживаю только такое ощущеніе, будто я смотрю въ черную, запущенную лоснящуюся сажей, трубу: и темно, и удушливо, и липко. Въ ту пору, когда я учился въ духовномъ училищѣ, мимо города, гдѣ оно находилось, проводили новую желѣзную дорогу. Подъ самыми окнами училища то и дѣло пробѣгали бойкіе паровозы. Смотрѣть на маневры невиданныхъ доселѣ въ глухомъ уѣздномъ городкѣ „чугунокъ“ изо дня въ день сбѣгалось значительное количество такъ называемыхъ „посадскихъ“ мѣщанъ и—особенно—мѣщанокъ. По той общеизвѣстной провинціальной ругской безтолковщинѣ, которая классическое для себя выраженіе нашла въ знаменитыхъ разсказахъ о пошехонскихъ мужикахъ,—по этой провинціальной безтолковщинѣ посадскіе мѣщане и мѣщанки совались чуть не подъ колеса паро-

возовъ. Во избѣжаніе катастрофы, паровозы давали почти безпрерывные свистки. И—вотъ—въ силу этой простой случайности, мысль о духовномъ училищѣ у меня всегда ассоціируется съ представленіемъ желѣзной дороги, и—наоборотъ—всякій желѣзнодорожный свистокъ возбуждаетъ во мнѣ воспоминаніе объ училищѣ. Многіе говорятъ, что картина желѣзной дороги дѣйствуетъ на нихъ ободряюще и успокаивающе. Локомотивы, дебаркадеры, элеваторы, семафоры и сигналы говорятъ имъ—будто бы—о силѣ культуры, объ облегченіи жизни, объ успѣхахъ чело-вѣческой мысли, о свѣтлыхъ перспективахъ дальнѣйшаго будущаго. И теоретически мнѣ такое дѣйствіе желѣзной дороги очень понятно. Но практически всякій желѣзно-дорожный предметъ, всякое напоминаніе о желѣзной дорогѣ, особенно же этотъ несносный въ своей острой пронзительности желѣзнодорожный свистокъ являются для меня источникомъ безотчетной тоски, сверлящей душу горечи и почти болѣзненной меланхоліи. Не сомнѣваюсь, что причина этого обстоятельства заключается лишь въ томъ, что вмѣстѣ съ желѣзнодорожнымъ свисткомъ предо мною встаетъ вся духовно-училищная жизнь со всѣми ея ужасами, со всѣми кошмарными привидѣніями, со всѣми нестерпимыми муками дѣтской души. Въ самомъ дѣлѣ: какихъ только безобразій не было въ нашемъ духовномъ училищѣ, какихъ не было въ немъ безчинствъ и какой мерзости! Твердо запечатлѣлась у меня въ памяти одна страшная фраза, какую сказалъ одинъ молодой священникъ, когда мы, спустя нѣсколько лѣтъ по окончаніи училища, подходили вмѣстѣ съ нимъ къ ободранному и грязному дверямъ училища.—„А вотъ и наша клоака!“—сказалъ священникъ. И несмотря на всю свою страшную жестокость, это опредѣленіе нашего духовнаго училища въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, показалось мнѣ удивительно правдивымъ и мѣткимъ, и я—помню—могъ только сказать въ унисонъ священнику: „да“. Послѣ указаннаго случая прошло не мало лѣтъ, но какъ тогда подъ свѣжимъ—сравнительно—впечатлѣніемъ отъ училища я склоненъ былъ назвать его клоакой, такъ и теперь, вспоминая о духовно-училищной жизни—повидимому—въ полномъ, почти созерцательномъ спокойствіи, я не могу назвать его иначе, какъ клоакой, ибо слишкомъ ужъ неприглядень рядъ тѣхъ картинъ, что проходитъ въ калейдоскопѣ моихъ воспоминаній. Согласитесь: почти поголовно курить ученики духовнаго училища начинали съ перваго

класса, при чемъ товарищескимъ режимомъ вмѣнялось въ обязанность курить непременно всѣмъ, не исключая и тѣхъ, кто курить не хотѣлъ, и у кого послѣ куренія по цѣлымъ днямъ кружилась и болѣла голова. Рассказывать циническіе анекдоты и придумывать разныя гнусности ученики духовнаго училища начинали тоже съ перваго класса. Во второмъ классѣ учились воровать, вымогать у учениковъ младшихъ классовъ деньги, сласти и всякій вообще скарбъ; второклассники же предпринимали разбойническія нападенія на булочника и устраивали форменные кулачные бои съ третьеклассниками. Въ третьемъ же классѣ изощрялись во всякаго рода пакостяхъ другъ надъ другомъ и—особенно—по отношенію къ ученикамъ младшихъ классовъ: въ глухую полночь мазали спящихъ товарищей сажей или дегтемъ, пришивали ихъ къ матрацамъ или же потихоньку клали ихъ на одѣяло и спящихъ подбрасывали высоко къ потолку, рискуя уронить ихъ на полъ и причинить тяжкое увѣче. Ученики четвертаго класса вступали въ грязныя отношенія съ кухарками и съ чужими горничными, волочились за посадскими портниками, напѣвали скабрёзныя пѣсни, упражнялись въ составленіи неприличныхъ акростиховъ, пили водку, ходили въ гости къ чиновничьимъ лакеямъ, производили ловкія кражи въ городскихъ магазинахъ, били младшихъ учениковъ, играли въ орлянку и въ карты и т. дал., и т. дал. Вообще въ духовномъ училищѣ было такъ много развратныхъ и развращающихъ, вульгарныхъ и вульгаризующихъ, отвратительныхъ зловредныхъ мальчишекъ, что учиться и жить въ духовномъ училищѣ было душно и тяжело. Распущенныя дѣти невѣжественныхъ дьячковъ и пьяныхъ дьяконовъ тѣсно-сплоченной массой своей положительно терроризировали все училище. Отъ свирѣпыхъ побоевъ, иногда же и кровавыхъ расправъ такъ называемыхъ училищныхъ „силачей“ буквально стонъ стоялъ по всему училищу. Сидѣвшіе по два года въ классѣ и совершенно одеревенѣвшіе въ умственномъ отношеніи силачи сокрушали челюсти и ставили синяки болѣе слабымъ своимъ товарищамъ по поводу всякаго пустяка. Били за дѣло и безъ дѣла, за вину и безъ вины, по подозрѣнію и по простой антипатіи, били и только потому, что чесались кулаки. И не было на силачей никакой управы. Въ случаѣ жалобы могли пустить въ ходъ и дубину, и ножъ. Все лучшее, все болѣе или менѣе благородное и дѣтски-чистое безжалостно разбивалось и грубыми сапожищами втап-

ывалось въ грязь. Тяжело было! Да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ упрекнуть или обвинить кого-либо изъ учителей и воспитателей по духовному училищу. Нѣтъ! Справедливость заставляетъ насъ сказать, что между ними было не мало свѣтлыхъ и самоотверженныхъ дѣятелей. Многіе изъ нихъ употребляли совершенно невѣроятныя усилія къ тому, чтобы по возможности возвысить и облагородить темные и некультурные нравы духовно-училищныхъ башибузуковъ. (Помню, одинъ изъ нашихъ учителей такъ и называлъ насъ: „господа башибузуки!“) Но—согласитесь—развѣ капля меду можетъ сдѣлать сладкой цѣлую бочку дегтя? Или—развѣ ничтожная искорка огня можетъ прогнать стихійную темноту ночи? Грубость и общая некультурность питомцевъ духовной школы носила массовый характеръ, и потому борьба съ нею была не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ. Здѣсь были нужны радикальныя и болѣе общія мѣры воздѣйствія на темную бурсацкую среду. Какія же это мѣры? Можетъ быть, просто не нужно было и теперь не нужно принимать въ духовныя училища тѣхъ дѣтей изъ духовенства, которыя по чему-либо не обѣщаютъ составить для нихъ положительнаго элемента? Безусловно, эта мѣра очень хороша со стороны своей радикальности, но она едва ли удовлетворяетъ требованіямъ той гуманности, съ которой мы прежде всего привыкли считаться въ дѣлѣ воспитанія. Въ такомъ случаѣ можетъ быть окажется очень цѣлесообразнымъ немедленное увольненіе изъ духовнаго училища тѣхъ духовныхъ мальчиковъ, которые такъ или иначе уже въ самомъ училищѣ зарекомендовали себя въ отношеніи нравственной испорченности? Но и объ этой мѣрѣ нужно сказать, что она, будучи—дѣйствительно—радикальной и полезной, идетъ—однако—въ разрѣзъ съ нашей привычкой сочувствовать и сострадать нашему бѣдному духовенству. Подумайте, куда злосчастный дьячекъ дѣнетъ своихъ дѣтей, отверженныхъ даже его родной и дешевой духовной школой? Такъ что же намъ дѣлать для освѣженія и оздоровленія низшей нашей духовной школы? Вѣдь что-нибудь да нужно же дѣлать? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ утверждаемъ только одно: въ дѣло воспитанія нашего духовнаго юношества непременно должно вмѣшаться само духовенство. Наши духовные родители должны, наконецъ, усвоить принципъ, что школьному образованію должно предшествовать образованіе семейное, и что второе по отношенію къ первому занимаетъ такое же положеніе, какъ фун-

даментъ по отношенію къ зданію: какъ зданія нельзя строить на пескѣ, такъ и дѣло школьнаго образованія, училищнаго и всего дальнѣйшаго, нельзя воздвигать на дошкольной „архаровшинѣ“. Въ этомъ случаѣ все учебное дѣло расползется, какъ карточный домъ, что въ достаточной степени подтвердилось опытомъ послѣднихъ лѣтъ. Однимъ словомъ родители должны притти на помощь школѣ. На воспитаніе дѣтей они должны взглянуть какъ на прямой свой долгъ, какъ на свою священную обязанность. Отсутствіе въ нашей духовной средѣ такого высокаго взгляда на дѣло воспитанія дѣтей намъ невольно хочется поставить въ связь и въ ближайшую зависимость съ царящимъ здѣсь низкимъ взглядомъ на самый бракъ, какъ на основу семьи.

(Окончаніе будетъ)

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

VIII.

(Окончаніе).

Что такое бракъ по своей природѣ? Бракъ—это таинство, стоящее въ ряду съ другими шестью таинствами и осѣненное тою же Божественною благодатью, что и всѣ остальные таинства. Какъ таинство, бракъ вмѣняетъ намъ въ обязанность такое же трепетно-благоговѣйное отношеніе къ нему, какъ и ко всѣмъ другимъ таинствамъ. Однако, наблюденія надъ жизнью заставляютъ насъ сказать, что если съ нашей стороны бываетъ болѣе или менѣе благоговѣйное отношеніе къ таинствамъ, то таинство брака занимаетъ въ этомъ случаѣ безусловно послѣднее мѣсто. Для иллюстраціи этого положенія попробуемъ сдѣлать нѣкоторую параллель. Извѣстно, что прежде чѣмъ приступить къ тому или другому таинству, мы предварительно *готовимся* къ нему. Передъ таинствами причащенія и покаянія мы говѣемъ; по уставу церкви, готовящийся къ таинствамъ крещенія и миропомазанія взрослый долженъ пройти длительный искусь такъ называемаго оглашенія; къ елеосвященію совершеннѣйшимъ образомъ готовится болѣзнь; надъ кандидатомъ священства хиротонія совершается не раньше, какъ онъ удовлетворитъ предъявленнымъ къ нему строгимъ требованіямъ въ отношеніи знаній, въ отношеніи моральнаго и даже физическаго состоянія и т. д. Но какъ готовятся у насъ къ таинству брака? Церковь указываетъ брачущимся предварительно вѣнчанія исполнять христіанскій долгъ исповѣди и причащенія св. Таинъ. Однако, среди предсвадебной сутолоки, среди безпокойныхъ заботъ о приданомъ, о свадебномъ пирѣ, о костюмахъ для невѣсты и о всевозможныхъ

³⁾ См., напр., на эту тему мою статью въ №№ 15 и 16 за 1904 г. „Священникъ и приходъ“, за подписомъ „Н. Новрусскій“.

подаркахъ, рѣдкіе выполняютъ этотъ долгъ надлежащимъ образомъ, а нѣкоторые и совсѣмъ о немъ забываютъ. Такимъ образомъ, въ приготовленіи къ таинству брака мы мало видимъ благоговѣнія къ нему. Нѣтъ этого благоговѣнія и *въ самомъ процессѣ совершенія брака*. Если при совершеніи другихъ таинствъ мы непременно настраиваемся на сколько-нибудь торжественно-строгой тонъ, сосредоточиваемся въ себѣ, мыслью и чувствомъ своимъ останавливаемся на великихъ вопросахъ вѣчности и вѣчнаго спасенія, — какъ въ таинствахъ покаянія и причащенія, — то при совершеніи таинства брака у насъ обыкновенно остается менѣе всего мѣста для чего-либо высокаго и священнаго. Невѣста и — отчасти — женихъ, особенно же эта окружающая ихъ молодежь, начиная со взвинченныхъ нервно „шаферовъ“ и кончая застывшими въ самолюбованіи барышнями-„шаферинами“, заняты исключительно сямими собой. Родители невѣсты все еще озабочены вопросами о столѣ и объ угощеніяхъ. Вся же наполняющая храмъ публика полна одного только празднаго любопытства. На насъ лично процедура обряда вѣнчанія очень часто производитъ впечатлѣніе своеобразной выставки, гдѣ женихъ и невѣста играютъ роли экспонатовъ, а публика беретъ на себя роль зрителей, причемъ въ качествѣ экспертовъ выступаютъ замужнія дамы и пожилыя барышни. Какое ужъ тутъ благоговѣніе! А поэтому во время вѣнчанія въ храмахъ сплошь и рядомъ стоитъ непозволительный шумъ разговоровъ, громкихъ замѣчаній, смѣха и даже — иногда — довольно рѣзкихъ столкновеній между подгулявшими на свадьбѣ зрителями. Не видя благоговѣнія къ таинству брака въ стадіи приготовленія къ нему, а также и въ самомъ процессѣ совершенія его, мы — естественно — не находимъ этого высокаго чувства и *непосредственно за совершеніемъ брака*. Исповѣдавшись или причастившись, мы еще въ теченіе нѣсколькихъ дней чувствуемъ нѣкоторую приподнятость религіознаго настроенія, наша душа долго еще отбрасываетъ отъ себя все низменное и пошлое, что приражается къ ней отъ буденъ жизни. Послѣ же совершенія таинства брака молодые участники его какъ бы намѣренно сейчасъ же окунаются на самое дно житейской пошлости и грязи. Непосредственно за таинствомъ начинается свадебное объяденіе, свадебное пьянство, тотъ свадебный кавардакъ, который тѣмъ больше заключаетъ въ себѣ всего низкаго и морально-нечистоплотнаго, чѣмъ ниже та среда, гдѣ совершается бракъ. Какъ обнаруживается, весь порядокъ заключенія нашего брака отъ начала и до конца проникнутъ не столь-

ко религиознымъ и христіанскимъ характеромъ, сколько характеромъ чувственнымъ, языческимъ. И это станетъ для насъ вполне понятно, если мы примемъ во вниманіе тѣ узко практическія соображенія, которыя—по большей части—являются коренными мотивами заключенія нашихъ браковъ. Припомните: для чего родители невѣсты стараются выдать ее замужъ? Для того, чтобы, какъ лишній и обременительный балластъ, сбыть ее съ рукъ и пристроить къ чужимъ рукамъ. Для чего ищетъ жениха и выходитъ замужъ навѣста? Для того, чтобы перестать быть въ тяжесть своимъ родителямъ, и для того, чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ, что для большинства женщинъ тяжелѣе и несноснѣе всего. Для чего вступаетъ въ бракъ женихъ? Сплошь и рядомъ только для того, чтобы полнѣе и—главнымъ образомъ—покойнѣе и удобнѣе обставить свою жизнь по внѣшней ея сторонѣ. Въ ряду указанныхъ мотивовъ заключенія браковъ мы—повидимому—не находимъ ничего такого, что говорило бы о личности у вступающихъ въ бракъ взгляда на него, какъ на таинство, и—дѣйствительно—такой взглядъ необычайно рѣдокъ. Для огромной массы брачующихся сущность брака остается темной и непонятной. Стоя подъ вѣнцами среди нарядной и блестящей обстановки, далеко не многіе задумываются надъ боговдохновенной мыслью апостола, что „жена спасается дѣторожденія ради“. Мысль о дѣторожденіи въ слишкомъ слабой степени руководитъ брачующимися при заключеніи ими брака, поэтому и въ дальнѣйшей ихъ семейной жизни эта мысль занимаетъ только второстепенное мѣсто. Это, конечно, вовсе не значитъ, что въ современной семейной жизни нѣтъ никакого дѣторожденія или мало этого естественнаго и неизбежнаго элемента брака. Нѣтъ, въ нашей семейной жизни элементъ дѣторожденія на лицо, но дѣторожденія почти исключительно физическаго. Между тѣмъ, если апостоль говоритъ, что „жена спасается дѣторожденія ради“, то—несомнѣнно—въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду дѣторожденіе не столько физическое, сколько духовное. Съ апостольской точки зрѣнія, мало произвести для міра новаго человѣка,—необходимо, чтобы этотъ новый человѣкъ былъ не представителемъ низшей только животной природы, а именно человекомъ, и не душевнымъ только человекомъ, а человекомъ духовнымъ, чтобы онъ обладалъ великимъ Христовымъ духомъ, чтобы былъ силенъ Христовою силою, чтобы входилъ въ міръ просвѣщенный и освященный истиннымъ Христовымъ свѣ-

томъ. Въ апостольско-христіанскомъ смыслѣ мало родить человека физически и для физической жизни, — нужно родить его «свыше», нужно родить его духовно и для жизни духовной, нужно христіански его воспитать и направить его на путь строго христіанской и—слѣдовательно —наиболѣе культурной дѣятельности. По духу апостольскаго ученія практически-эгоистическіе мотивы не должны имѣть мѣста ни въ дѣлѣ заключенія брака, ни въ ходѣ и въ развитіи семейной жизни. Во имя духовнаго дѣторожденія долженъ заключаться бракъ, и духовному благу дѣтей должна посвящаться вся семейная жизнь. Тяжкій грѣхъ противъ христіанства, противъ святой тайны брака совершаютъ, такимъ образомъ, тѣ родители, которые, вступивъ въ брачный союзъ, ради личныхъ интересовъ и личныхъ удобствъ, позволяютъ себѣ съ небрежностью относиться къ дѣлу воспитанія и духовнаго возрастанія своихъ дѣтей. Обыкновенно родители свою невнимательность къ духовному дѣторожденію и вообще къ дѣтководству оправдываютъ трудностью этого дѣйствительно труднаго дѣла, невозможностью сосредоточить на немъ все свое вниманіе, его чрезвычайною расплывчатостью и скользкостью. Но здѣсь необходимо сказать и подчеркнуть, что всякому, приступающему къ браку, какъ къ христіанскому таинству, никто никогда и не говорилъ и не говоритъ, что бракъ—это нѣчто легкое и несерьезное, и что семейная жизнь—это сплошной праздникъ съ непрерывными удовольствіями. Нѣтъ, съ христіанской точки зрѣнія бракъ представляетъ собою ни что иное, какъ сплошной трудъ и непрерывную борьбу съ физическими болѣзнями и всякаго рода затрудненіями по предмету воспитанія дѣтей. Христіанство далеко не идеализируетъ ни брака, ни семейной жизни. Наоборотъ, оно рисуетъ жизнь семьи самыми сѣрыми, почти траурными красками; благословляя брачущихся на новый путь жизни, христіанство представляетъ имъ этотъ путь какъ бы сплошь устланнымъ терніями и колючими шипами. Не даромъ св. церковь наша въ своемъ обрядѣ вѣнчанія молится «о сохраненіи» брачущихся на трудномъ пути ихъ жизни, подобно тому, какъ Ной былъ сохраненъ въ волнахъ потопа, Іона во чревѣ китовѣ и три отрока въ огнѣ халдейской печи; не даромъ также св. церковь возлагаетъ на брачущихся вѣнцы, вспоминая при этомъ не о тѣхъ вѣнцахъ, какіе носили цари или побѣдители въ играхъ, а о вѣнцахъ мученическихъ. Особенно замѣчательно то, что и въ самый торжествен-

ный моментъ вѣнчальнаго акта церковь опять вспоминаетъ о мученикахъ и объ ихъ страданіяхъ и въ молитвенномъ обращеніи къ нимъ проситъ у нихъ спасенія брачущимся, только что добровольно надѣвшимъ на себя мученическіе вѣнцы. Да, бракъ—это мученичество, по степени своей трудности совершенно равномѣрное мученичеству древнему. Бракъ—это подвигъ, по интенсивности своего боренія совершенно равномѣрный подвигу, напр., монашества. Монахъ, давая свои иноческіе обѣты, отказывается отъ личнаго счастья для того, чтобы служить не себѣ, а исключительно Христу. Также и брачущійся отказывается собственно отъ личнаго счастья во имя того, чтобы служить не себѣ же лично, а исключительно Христу, хотя и посредствомъ дѣтей. По смыслу христіанской идеи, и монахъ и семьянинъ должны служить *только Христу*. И разницу между монахомъ и семьяниномъ съ христіанской точки зрѣнія можно указать лишь въ томъ, что монахъ служитъ Христу *непосредственно*, а семьянинъ служитъ ему *въ служеніи своимъ дѣтямъ*. Взглядъ на иноческіе обѣты и на подвигъ монашества у насъ очень высокъ. И всякое отступленіе инока отъ высоты его аскетическихъ идеаловъ въ сторону грѣховнаго житейскаго міра нравственно-общественнымъ нашимъ мнѣніемъ карается очень сурово. Рѣдко кто изъ насъ соглашается простить монаху нарушеніе поста, такое или иное отступленіе отъ требованій нестяжательности, отъ требованія строжайшей половой воздержности и т. п. И понятно, такая высокая наша точка зрѣнія на монашескій подвигъ можетъ заслуживать только полнаго поощренія, ибо эта точка зрѣнія совершенно справедлива: кому много дано, съ того много и взыщется. Но держась правильнаго воззрѣнія на подвигъ монашества, мы стоимъ на совершенно ложной почвѣ по отношенію къ подвигу отцовъ и матерей, по отношенію къ подвигу семейному. Не прощая монаху даже малѣйшаго намека на грѣхъ противъ его обѣтовъ, семьянину мы прощаемъ самыя тяжкія отступленія отъ нормъ дѣторожденія и дѣтководства. Между тѣмъ этого не должно быть. Подвигъ вездѣ подвигъ, и къ подвижникамъ всѣхъ родовъ мы должны предъявлять одинаково строгія требованія. Требуя, чтобы монахъ былъ монахомъ и исполнялъ свои обѣты послушанія, нестяжательности и цѣломудрія, мы должны требовать, чтобы и семьянинъ былъ семьяниномъ и исполнялъ свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ, заболтался объ ихъ духовнонь благѣ, работалъ надъ дѣломъ ихъ вос-

питанія и внутренняго совершенствованія Чѣмъ выше и чѣмъ строже будетъ нашъ взглядъ на семейную жизнь и на обязанности родителей, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе будетъ сглаживаться тотъ вѣчный конфликтъ, который существуетъ между отцами и дѣтьми и который по швамъ раздираетъ наши семьи, а также скорѣе и вѣрнѣе будетъ засыпаться та бездна грубости и некультурности, какая зияетъ на мѣстѣ благовоспитанности и благородства нашихъ дѣтей, что такими гибельными результатами сопровождается въ жизни нашей школы вообще и въ жизни школы духовной въ частности и—пожалуй—въ особенности. Конфликтъ, искони существовавшій и теперь существующій между родителями и дѣтьми, всегда глубоко волновалъ и тѣхъ и другихъ, особенно же первыхъ. Родители никогда не хотѣли и не хотятъ примириться съ невнимательностью къ нимъ ихъ дѣтей, съ оскорбленіемъ ихъ правъ, съ игнорированіемъ ихъ авторитета, со взглядомъ на самую ихъ родительскую любовь не болѣе, какъ на „тяжкую проклятую ношу“, какъ на «любящее издѣвательство». Они неизмѣнно хотѣли бы видѣть своихъ дѣтей, преданныхъ себѣ чуть ли не до послѣдней капли крови, послушныхъ, кроткихъ, почти раболѣпныхъ. Но—спрашивается— всегда ли или всѣ ли родители имѣютъ, собственно говоря, право на такую преданность сына или дочери? Можетъ ли образовываться неразрывная спаянность между отцомъ и сыномъ въ силу только физической родственности между ними? Заключаются ли въ одной этой родственности основанія для того, чтобы въ глазахъ сына всегда высоко стоялъ авторитетъ родителей? Не требуется ли для этой послѣдней цѣли что-либо болѣе высокое, чѣмъ общность крови? Можетъ быть,—въ языческомъ мѣрѣ, гдѣ такое преваллирующее значеніе придавалось началамъ матеріи, началамъ плоти, физическое родство и могло служить основаніемъ для полного подчиненія сына отцу. Но въ мѣрѣ христіанскомъ, гдѣ вотъ уже столько вѣковъ подрядъ провозглашается преимущество духа надъ плотью, и гдѣ духу, а не плоти приписывается значеніе творческаго начала въ жизни,—въ христіанскомъ мѣрѣ на физическомъ только родствѣ трудно базировать подчиненіе сына отцу или признаніе первымъ безусловнаго авторитета второго. Да, апостоль Павелъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на пятой заповѣди ветхозавѣтнаго десятисловія, подчеркивая въ ней то, что это единственная изъ заповѣдей, которая заключаетъ въ себѣ обѣтованіе: „да благо

ти будутъ“. Но нужно помнить, что этотъ же апостоль говоритъ и о томъ, чтобы „отцы не раздражали чадъ своихъ“, что въ переводѣ на положительный языкъ означаетъ требованіе того, чтобы отцы любили чадъ своихъ подлинно-христіанской, а не лживой, эгоистической любовью и чтобы всею душой неклись объ имъ духовномъ благѣ. Христось же духовныя начала объ-являетъ настолько важными во всѣхъ семейныхъ отношеніяхъ, что прямо указываетъ дѣтямъ оставлять тѣхъ родителей, которые оказываются мертвыми для Его царства, окостенѣвшими духовно и неспособными вести дѣтей къ высшему совершенству: „оставьте мертвымъ погребать мертвецовъ“,—сказалъ Христось. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ о необходимости полного разрыва съ родителями въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе, будучи безсильны содѣйствовать развитію дѣтей во имя Христа и евангелія, только тормозятъ это ихъ развитіе. По ясному смыслу Христовыхъ словъ, въ такихъ случаяхъ нужно въ собственномъ смыслѣ слова оставлять отца, мать, братьевъ, сестеръ, жену... Хотимъ сказать, что въ мірѣ христіанскихъ отношеній не физическое родство дѣлаетъ родными и близкими между собою отцовъ и дѣтей: здѣсь ихъ роднитъ родство духовное, которое—само собою разумѣется—создается только при условіи самаго безграничнаго и самаго полного попеченія родителей о духовномъ преуспѣяніи своихъ дѣтей, объ ихъ всестороннемъ и гармоническомъ развитіи, о надлежащемъ и строгомъ ихъ воспитаніи. Христіанство, такимъ образомъ, поставляетъ родителей именно въ то отвѣтственное и рискованное положеніе, которое вплотную приближаетъ ихъ къ мученикамъ и которое обязываетъ ихъ на всю семейную жизнь смотрѣть не иначе, какъ на сплошной и тягостный подвигъ, въ результатѣ котораго можетъ быть или доблестный и похвальный вѣнецъ, или же всемѣрное осужденіе. Въ напряженнѣйшей и въ *абсолютно самоотверженной* работѣ въ цѣляхъ такого устроенія семейной жизни по всѣмъ ея сторонамъ, которое не могло бы намъ послужить въ судъ и во осужденіе, и заключается проблема современной христіанской семьи.

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

IX.

Что же намъ нужно прежде всего?

Долженъ сказать откровенно: при писаніи своихъ статей я боялся, что кто-нибудь изъ читателей обвинить меня въ претензіи стать выше духовенства и или поучать его, или даже обличать. Очень просилъ бы повѣрить, что такой роли по отношенію къ духовенству я брать никогда не хотѣлъ и не могъ. Не хотѣлъ потому, что это налагало бы на меня слишкомъ большую и серьезную отвѣтственность, и не могъ потому, что самъ я связанъ съ духовною средой узами настолько близкими и крѣпкими, что здѣсь исключается даже возможность указанного выше противоположенія. Во всѣхъ своихъ статьяхъ я хотѣлъ только выяснитъ положеніе профессиональнаго нашего дѣла, дѣла духовнаго просвѣщенія и освященія народныхъ массъ. И при этомъ выясненіи я столько же имѣлъ въ виду духовенство, сколько и самого себя. Цѣль же этого выясненія заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить для нашего сознанія ближайшій и существеннѣйшій практической вопросъ, разработкой котораго мы должны заняться въ данный моментъ, — въ томъ, чтобы вѣрно поставить и посылно освѣтить вопросъ: что же намъ теперь нужно прежде всего? Этотъ вопросъ мы и ставимъ въ своей настоящей заключительной статьѣ.

Итакъ, что же намъ нужно теперь больше всего? Какъ мы видѣли, церковно-приходская и семейно-бытовая наша жизнь далеко не блестяща по разнымъ ея сторонамъ. Это всѣ мы знаемъ. Знаемъ мы и причину этого печальнаго явленія. Нельзя отказать намъ и въ довольно интенсивномъ желаніи устранить эту причину и сообщить нашему профессиональному дѣлу видъ наиболѣе нормальный, здоровый и бодрый. Чего же намъ недостаетъ, чтобы доброе наше желаніе стало добрымъ дѣломъ? Недостаетъ, повидимому, немногаго, но такого, въ чемъ заклю-

чается рѣшительно все. Для того, чтобы начать нашу большую и трудную работу по обновленію и усовершенію всего строя церковно-приходской и бытовой нашей жизни, намъ, просто говоря, недостаетъ умѣнья сдѣлать первый шагъ, недостаетъ рѣшимости на этотъ шагъ, воли къ нему. Мы прекрасно знаемъ то, что есть, и довольно ясно представляемъ, что должно быть; настоящее опостылѣло намъ и до боли удручаетъ насъ; будущее же манитъ насъ радужными, свѣтлыми перспективами, но—вотъ—отчалить отъ грустныхъ береговъ настоящаго и отъжаться на рискованный, полный лишеній и труда, путь къ розовѣющему вдали будущему—вотъ для этого у кого достанетъ силъ? у кого найдется достаточный запасъ энергии? Къ сожалѣнію, только немногіе обладаютъ достаточно упорной волей; у большинства же нѣтъ воли, большинство безсильно, инертно. Собственно, слабость воли или полное безволіе—это общая болѣзнь нашего времени, да и не нашего только, да всѣхъ временъ, по всей многовѣковой цѣпи человѣческаго существованія. Если человѣкъ далекъ отъ своихъ нормъ, если онъ становится въ рѣзкое противорѣчіе съ идеаломъ, то причина этого по большей части лежитъ именно въ слабости человѣческой воли или въ полномъ ея параличѣ. Разумъ нашъ очень часто бываетъ такъ чистъ, ясенъ и силенъ, что осмѣливается судить обо всемъ абсолютно, маломъ и великомъ, временномъ и вѣчномъ, пространственномъ и безконечномъ. Разумъ нашъ дерзаетъ даже мѣрку своихъ относительныхъ законовъ примѣнять къ абсолютному закону Разума Божія. Что касается чувства, то и оно у большинства изъ насъ развито или достаточно полно, или же и больше, чѣмъ должно. Собственно говоря, вся наша жизнь состоитъ изъ эмоціональных переживаній, сочувствія, состраданія, негодованія, злобы, вражды, любви, привязанностей, страстей и т. д., и т. д. Обычное явленіе—глупый человѣкъ, но и человѣкъ безчувственный—это уже рѣдкость. Конечно, мы говоримъ здѣсь о чувствительности или безчувственности вообще, абстрактно къ ихъ качественной окраскѣ, къ свѣтлому или къ мрачному ихъ тону, къ доброму или къ злому характеру. Но, вотъ, воля. Въ ней у насъ сплошь и рядомъ оказывается большой недостатокъ. Безвольный человѣкъ—это явленіе самое типическое. Зная и любя, мы нерѣдко стоимъ по отношенію къ предмету своего знанія и любви на точкѣ замерзанія: не дѣлаемъ того, что намъ нужно дѣлать, и не стремимся къ тому, что

любимъ. Впрочемъ, обычное явленіе и то, что, начавши дѣлать дѣло, созннанное нами, какъ необходимое, или начавши осуществлять что-либо любимое и завѣтное, мы скоро ослабѣваемъ въ волѣ своей, бросаемъ дѣло, заглушаемъ любовь, падаемъ съ занятой нами позиціи. Слабая, расшатанная воля—вотъ нашъ врагъ, вотъ разрушитель нашей жизни, источникъ ея золь. И понятно: воля наша по-преимуществу испорчена еще въ прародителяхъ нашихъ, которые, подобно своему злему искусителю, согрѣшили именно *волей* своей, своимъ *желаніемъ* стать, какъ боги, *волевымъ* *безсиліемъ* своимъ *подчинить* свое „я“ волѣ Божіей. У прародителей нашихъ недостало *терпѣнія, выносливости, стойкости въ послушаніи Богу*, и потому они пали. И мы всѣ падаемъ преимущественно потому, что нѣтъ у насъ надлежаще терпѣливаго, настойчиваго и упорнаго отстаиванія и осуществленія того, что намъ извѣстно, какъ истина, и что нами чувствуется, какъ благо. Было такъ всегда и вездѣ, такъ же—и болѣе, чѣмъ такъ же—обстоитъ дѣло и теперь у насъ, въ нашемъ русскомъ обществѣ и въ средѣ нашего духовенства.

Гдѣ въ современномъ русскомъ обществѣ сильные, стойкіе, энергичные люди?—Ихъ нѣтъ. Нѣтъ въ наукѣ, гдѣ такія имена, какъ, напр., Менделѣевъ, Мечниковъ и под., совершенно тонуть въ океанѣ многомилліоннаго нашего населенія. Нѣтъ сильныхъ людей и въ области общественнаго строительства, гдѣ всѣ эти Милюковы, Гучковы, Витте, Набоковы, Трубецкіе и пр. являются не болѣе, какъ калифами на часъ, почему изстрадавшаяся родина наша до сихъ поръ не пришла еще къ состоянію здоровому и спокойному, которое обезпечивало бы для нея возможность мирной, увѣренной и продуктивной работы. Мало видимъ мы свѣтлаго и утѣшительнаго и въ сферѣ нравственной дѣятельности. Благія начинанія являются у насъ лишь какъ рѣдкій и довольно худосочный плодъ чрезвычайныхъ трудовъ и необычайныхъ усилій. Зло же и злыя начинанія, преступность и преступления, развратъ и его спутники—болѣзни и новыя преступления—все это грязной волной положительно заливаютъ нашу жизнь. Въ беллетристикѣ появляются произведенія, гдѣ авторы или сами исповѣдуются, или заставляютъ исповѣдываться своихъ героевъ въ такихъ грѣхахъ, въ такихъ черныхъ ужасахъ, что читателю становится и страшно, и мерзко, и больно. Суды буквально завалены дѣлами о преступленияхъ самаго разнообразнаго характера, начиная отъ обыкновенной кражи и кон-

чая такими дѣянiями, которыя могутъ разбираться только при наличности 4—5 экспертовъ со стороны медицины: это—дѣянiя, относительно которыхъ трудно, почти невозможно повѣрить, чтобы они были совершены здоровыми людьми, а не нравственными уродами, не психопатами, не людьми-животными, не звѣрями. Амбулаторiи врачей, лечебницы, санаторiи переполнены больными такими недугами, о которыхъ не говорятъ. При представленiи этихъ прискорбныхъ явленiй невольно припоминается апостольская аксиома: „Миръ во злѣ лежитъ“. А такъ какъ начало зла, его отравленный родникъ идетъ изъ расшатанной воли человѣческой, изъ ея расщепленности, изъ ея одновременной наклонности къ добру и ко злу—и ко злу болѣе, чѣмъ къ добру,—то съ необходимостью приходишь къ выводу: нужно спасать человѣка въ волѣ его, всѣми средствами нужно врачевать ее и упражнять... А вмѣстѣ со всѣмъ этимъ нужно молиться о волѣ и усваивать взглядъ на нее, какъ на самое нужное и на самое важное въ общемъ ходѣ нашей религіозной жизни, какъ на самое важное въ дѣлѣ проведенiя въ жизни нашей любви, вѣры и надежды. На дѣло развитiя воли и на борьбу съ ея болѣзнями нужно взглянуть, какъ на непремѣнный нашъ религіозный долгъ. Заслуживаетъ рѣзкой отмѣтки то обстоятельство, что и Господь нашъ въ указанной намъ молитвѣ Своей учитъ насъ молиться о совершенной *воли*. Недаромъ и Самъ Онъ въ тягостнѣйшiй моментъ предсмертнаго боренiя въ Геосиманскомъ саду молился о Своей собственной *воли*. Воля—это наша гибель, какъ это было съ первой человѣческой четой, воля—это наша смерть и нашъ адъ, какъ это было съ первымъ павшимъ свѣтоносцемъ, но воля же—и наше спасенiе, наша жизнь и наша слава, какъ это было со Христомъ и со всѣми святыми Его. Все въ волѣ. Во всякомъ случаѣ, въ ней единственное средство выявленiя въ жизни всего содержанiя нашей религии, всей религіозной любви и всякой религіозной мысли. Здѣсь поразительнымъ образомъ близко подходятъ одно къ другому позднѣйшее психологическое ученiе волонтаристовъ и библейское ученiе ветхаго и новаго завѣтовъ. И такъ, нужно больше молиться о волѣ, нужно больше думать о ней, нужно работать надъ ея развитiемъ. И выполненiе этой труднѣшей, но и благороднѣйшей задачи прежде всего падаетъ на голову духовенства, какъ по самому своему назначенiю долженствующаго возглавлять жизнь. Но способно ли духовенство умоливать о волѣ, способно ли оно помочь ей,

изможденной и больной? До сихъ поръ духовенство считалось словомъ наиболѣе здоровымъ, крѣпкимъ, выносливымъ, энергичнымъ и неподатливымъ на всевозможные соблазны момента и моды. Съ самаго начала русской исторіи и почти до послѣднихъ дней духовенство являлось своего рода цитаделью, за которой, какъ нѣжное растеніе за щитомъ, русскій народъ укрывался отъ всѣхъ вредныхъ вліяній и развивался на своихъ самобытныхъ началахъ, сохранялъ свой собственный ликъ, вырабатывалъ свое русское „я“. Ко многимъ изъ батюшекъ прежняго типа, болѣе чѣмъ къ кому-либо, былъ приложимъ эпитетъ „столповъ общества“. Но теперь... теперь не то. Духъ легкомысленной разсѣянности и жалкаго верхоглядства, духъ нелѣпаго модничанья, духъ рабскаго слѣпого подражанья проникаетъ изъ свѣтской среды и въ среду духовенства. И чѣмъ шире открываетъ духовенство двери своей бытовой храмины для свѣтскихъ и вообще модныхъ идеаловъ, обычаевъ и манеръ, тѣмъ холоднѣе, пустыннѣе и непривѣтливѣй становится въ этой его храминѣ, и на холодѣ этомъ гаснуть... гаснуть свѣтильники нашей вѣры, нашего утвержденія. Годъ тому назадъ опочилъ великій нашъ молитвенникъ и подвижникъ, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Кто намъ замѣнитъ теперь его? Если отецъ Іоаннъ уже замѣненъ въ Кронштадтскомъ соборѣ, то замѣненъ ли онъ и будетъ ли замѣненъ для Кронштадта, для Россіи, для церкви, для православія? Да, гаснуть свѣтильники и въ средѣ самого духовенства. И здѣсь слабѣетъ твердый искони духъ. И здѣсь гнется неломкая доселѣ воля къ жизни трудовой, строгой, воздержной, богоугодной, подвижнической. Особенно рѣзко это замѣтно на молодомъ поколѣніи духовенства и на будущихъ преемникахъ его служенія, на современной учащейся духовной молодежи. Глядя на современныхъ семинаристовъ и будущихъ подругъ ихъ жизни — епархіалокъ, можно подумать, что въ общей массѣ своей — это люди съ совершенно атрофированной способностью воли, люди, у которыхъ какъ бы разъ навсегда вырѣзанъ самый центръ волевыхъ движеній. Современная учащаяся духовная молодежь, по рѣзко выраженному безволю своему, положительно не можетъ заставить себя съ усердіемъ прежняго трудолюбиваго семинариста прочитать умную, серьезную книгу, выполнить предъявляемая къ нему законныя и логически обоснованныя требованія, простоять, напр., два часа за богослуженіемъ и сосредоточенно прослушать четыре — пять классныхъ уроковъ, въ положенный

срокъ представить письменную работу, отказаться отъ лишняго удовольствія, отъ бездѣльнаго, но и безконечнаго праздношата-нія по улицамъ, отъ посѣщенія театровъ и подобныхъ увесели-тельныхъ заведеній и т. д., и т. д., Большинство современнаго учащагося духовнаго юношества оказывается въ рабскомъ и мучительномъ подчиненіи у своихъ привычекъ и привязанностей, очень неглубокихъ, несерьезныхъ, не развивающихъ и неплодо-творныхъ. Гдѣ же выходъ изъ этого опаснаго мѣста? Что же нужно дѣлать? Повторяемъ: нужно больше работать надъ развитіемъ воли, нужно больше думать о волѣ, нужно молиться о ней. Если старшее поколѣніе духовенства найдетъ, что его работа надъ своей волей уже запоздала, что жизнь и обстоя-тельства сдѣлали надъ нимъ свое дѣло, наложили на него печать, которую нельзя сгладить никакими человѣческими уси-ліями,—если такъ, то пусть—по крайней мѣрѣ—старшее по-колѣніе духовенства больше работаетъ надъ волей поколѣнія младшаго, пусть отцы со всей заботливостью отнесутся къ дѣлу воспитанія, укрѣпленія и—само собою разумѣется—добраго на-правленія воли своихъ дѣтей. Но гдѣ же средства воспитанія и укрѣпленія воли?

Н. Колосовъ.

СО СТРАНИЦЪ ЖИЗНИ.

IX.

Что же намъ нужно прежде всего?

(Окончаніе).

„Бдите и молитесь, да не внидите въ напасть“. Въ этомъ Христовомъ завѣтѣ указано для насъ самое первое и са-

мое вѣрное средство укрѣпленія воли и выработки характера. Здѣсь Христосъ говоритъ о нашемъ бодрствованіи надъ самими собой, надъ нашими мыслями, чувствами, желаніями, надъ малѣйшими уклонами нашей души то въ сторону добра, то въ сторону зла. Бдѣніе надъ собой—это, иначе, наше бодрствованіе надъ душой, наше самовниманіе, наша внутренняя самоохрана отъ всякихъ вредныхъ для нашей душевной жизни случайностей, невзгодъ, потрясеній и т. д. Нельзя итти по дорогѣ, не озираясь кругомъ и не глядя передъ собою! Нельзя жить нормальной духовной жизнью и тѣмъ болѣе нельзя прогрессировать въ этой жизни, не подкарауливая своихъ сокровеннѣйшихъ помысловъ, желаній, плановъ, не подслушивая затаеннѣйшихъ вздоховъ души и иной разъ рѣшительнымъ образомъ не заглушая ихъ. Христово „бдите“ это болѣе совершенная и болѣе строгая форма выраженія Сократова: „Познай самого себя“ и Моисеева „внемли себѣ“. Въ своемъ „бдите“ Христосъ только санкціонируетъ Божественнымъ Своимъ авторитетомъ то, что, какъ истина, было добыто древнею мудростію человѣческой. Безъ вниманія къ себѣ и къ своей дѣятельности, безъ строгаго контроля этой дѣятельности человекъ никогда даже и не представлялъ себѣ своей жизни и потому всегда признавалъ для себя необходимыми такія установленія, которыя будили бы его вниманіе къ себѣ и къ своему дѣлу и помогали бы ему контролировать себя. Лучшимъ изъ такихъ установленій является дисциплина, точно опредѣляющая пути нашей жизни, приковывающая наше вниманіе къ опредѣленнымъ точкамъ и упражняющая насъ въ строго-размѣренныхъ волевыхъ движеніяхъ. Всѣ стороны жизни, многообразная ея развѣтвленія человекъ подчинилъ дисциплинѣ. Для того, чтобы на должной высотѣ поддерживать свое самовниманіе, человекъ создалъ для себя дисциплину семейную, бытовую, школьную, служебную и т. д. Въ силу дисциплины семейной различные члены семьи обязаны выполнять извѣстные требованія, нарушеніе которыхъ ведетъ къ семейному расколу или даже—распаду. Необходимо, чтобы дѣти, находясь въ зависимости отъ родителей и въ подчиненіи имъ, необходимо, чтобы интересы супруговъ объединялись около однихъ принциповъ и цѣлей; необходимо, чтобы каждый членъ семьи уважалъ личность всякаго другого члена и не допускалъ ничего, что могло бы нарушить порядокъ жизни другихъ членовъ не только по внутренней ея сторонѣ, но и по внѣшней. Семейный миръ на

рушается, напимѣрь, въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ членъ семьи слишкомъ рѣзко проводитъ свои воззрѣнія на тотъ или другой предметъ или слишкомъ откровенно и безапелляционно требуетъ признанія своихъ правъ на что-либо. Семейный миръ будетъ нарушенъ и въ томъ случаѣ, если одинъ членъ семьи будетъ требовать для себя какихъ-либо привилегій въ своемъ содержаніи, въ платѣ, въ столѣ, въ распредѣленіи времени для занятій, для отдыха, для развлеченій и т. п. Семья должна быть болѣе или менѣе едина въ смыслѣ согласованности всѣхъ своихъ членовъ какъ по внутреннимъ ихъ интересамъ, переживаніямъ и вкусамъ, такъ и по внѣшнему образу ихъ жизни, дѣятельности, по внѣшнему образу ихъ отношенія къ свободѣ, отдыху, къ удовольствіямъ и проч.—Школьная дисциплина требуетъ выполненія своихъ предписаній. Нельзя допустить, чтобы ученикъ содержался въ учебномъ заведеніи, чтобы на него производились государствомъ или обществомъ огромныя затраты силъ матеріальныхъ и духовныхъ, чтобы для него существовали многочисленныя штаты учащаго персонала, чтобы для него воздвигались грандіозныя, богатыя зданія, составлялись обширныя бібліотеки и т. п.,—и чтобы онъ отрицательно относился къ наукѣ, ко всему дѣлу своего обученія и къ надлежащему воспитанію своего характера. Такое положеніе вещей было бы грубой профанаціей учебнаго дѣла, преступной педагогической фальшью, которая—увы!—такъ почти обычна у насъ въ настоящее время. Ученикъ учится въ извѣстномъ учебномъ заведеніи, обезпеченномъ со стороны государства или общества правами, получаетъ всевозможныя стипендіи, субсидіи, частную благотворительную помощь, въ концѣ концовъ получаетъ дипломъ и, несмотря на это, ничуть не занимается своимъ образованіемъ, не слѣдитъ сколько-нибудь серьезно за ходомъ своего развитія, больше интересуюсь не развитіемъ своимъ, а завиваніемъ волосъ для блистанія на разныхъ балахъ и концертахъ. Что выйдетъ изъ такого человѣка въ будущемъ? Что внесетъ онъ съ собою въ жизнь? Конечно, только то, что онъ культивировалъ въ школѣ, т. е. праздность, тунеядство, ложь и разрушеніе.—Дисциплина бытовая обязываетъ насъ, чтобы въ сферѣ обыденныхъ нашихъ отношеній къ окружающимъ насъ людямъ мы не переступали границъ нашихъ правъ и не вторгались въ чужую, не подлежащую нашему вѣдѣнію или даже наблюденію, жизнь. Совсѣмъ не нужно говорить о томъ, что наша общественная жизнь представля-

этомъ Христомъ завѣтъ указано для насъ самое первое и сѣ

ла бы сплошной хаосъ, если бы различные члены общества во всемъ поступали исключительно по своимъ собственнымъ желаніямъ и не считались съ желаніями другъ друга. Служебное положеніе налагаетъ на насъ свою дисциплину, требующую, чтобы мы къ обязанностямъ своимъ были внимательны, въ исполненіи ихъ были точны и аккуратны. Вездѣ дисциплина. Шагу нельзя ступить безъ дисциплины. Никакая машина не будетъ работать правильно и продуктивно, если всѣ ея части не будутъ работать въ томъ строгомъ направленіи, какое дано имъ изобрѣтателемъ ея и ея управляющимъ—машинистомъ. Дисциплина—это незыблемый законъ, насущно-потребный для веденія абсолютно всякой работы. Сама природа работаетъ по дисциплинѣ. Солнце всходитъ и заходитъ по разъ навсегда установленному распisanію; по строго-опредѣленному порядку чередуются между собою весна и осень, лѣто и зима. Однимъ словомъ, область владычества дисциплины безгранична. Дисциплина для нормального хода жизни необходима; она сгущаетъ нашу энергію, она указываетъ точный и безошибочный, какъ бы рельсовый, путь для нашей воли, которая одна только, какъ полный паровъ локомотивъ, упорно, терпѣливо и сильно влечетъ тяжелый грузъ нашей жизни сквозь лѣса и дебри всякихъ невзгодъ и пустоши лишеній туда... въ царство легкокрылыхъ грезъ, отраднхъ упованій и радужныхъ идеаловъ. Необходима дисциплина, какъ всеобщій и незыблемый законъ жизни. Вотъ въ это, какъ въ истину, и долженъ повѣрить всякій, кто хочетъ заняться развитіемъ своей воли и выработкой въ себѣ твердаго характера.

Бдѣніе надъ собою укрѣпляетъ волю. Но прежде, чѣмъ укрѣплять волю, нужно знать цѣли этого укрѣпленія, нужно выработать принципы жизни, нужно имѣть міровоззрѣніе. Выработка міровоззрѣнія лучше всего дается религіозно-философскимъ углубленіемъ въ вопросъ о смыслѣ жизни. Въ глубину этого вопроса насъ посвящаетъ наука, философія... Но, съ одной стороны, философія, наука всегда были и всегда будутъ мало доступны широкимъ массамъ, а съ другой стороны—онѣ въ своихъ построеніяхъ очень часто отправляются изъ недостаточно правдивыхъ точекъ зрѣнія. Въ томъ и заключается исключительная заслуга христіанской церкви, что, съ одной стороны, она предлагаетъ философію абсолютно святую, въ смыслѣ ея непогрѣшимости, а съ другой стороны—излагаетъ эту философію за своимъ всѣмъ доступнымъ богослуженіемъ и въ совершенно доступной и

— вмѣстѣ съ тѣмъ — въ высоко поэтической формѣ. Нельзя, будучи въ церкви, не услышать философіи или не захотѣть философствовать. А такая философія, какъ христіанская, и облагораживаетъ, и укрѣпляетъ наши характеры, ибо Богъ христіанскій — это „освященіе наше“ и наше „утвержденіе“. Отсюда и нужно видѣть огромное значеніе указанной Христомъ молитвы въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія воли. Очень хорошо подмѣтилъ это значеніе позднѣйшій нѣмецкій педагогъ Ферстеръ, утверждающій, что христіанская молитва, регулярно совершаемая, — это надежнѣйшій путь къ тому, чтобы приобрести характеръ твердый какъ сталь. Мы — къ глубочайшему прискорбію — не видимъ и не цѣнимъ того значенія, какое имѣетъ для нашей воли христіанская молитва. По печальной необходимости приходится думать такъ, когда сплошь и рядомъ встрѣчаешься съ фактомъ болѣе чѣмъ невнимательнаго отношенія современнаго общества, особенно же современной молодежи, къ христіанскому богослуженію. Содержаніе богослуженія находятъ несложнымъ и не мудрымъ, гимны и молитвенныя пѣснопѣнія скучными, уставность утомительной, и потому вниманію къ богослуженію предпочитаютъ разговоры въ церкви, смѣхъ, даже шалости, бесѣды о жалкихъ грошахъ и прочихъ житейскихъ дрязгахъ. Удивительно: не внимая богослуженію, не зная его, не проникшись его высокимъ смысломъ и дивной, чарующей красотой, позволяютъ себѣ однако судить о немъ. Это во-первыхъ! А во-вторыхъ: знаютъ, что безволіе — это злая и почти эпидемическая болѣзнь времени вообще и русской натуры въ особенности. Хотятъ бороться съ этой болѣзью, хотятъ устранить ее, и однако игнорируютъ то средство, которое въ исторіи заявило себя, какъ лучшее въ дѣлѣ укрѣпленія воли. Кто больше всѣхъ и успѣшнѣе всѣхъ работалъ надъ развитіемъ воли, какъ не христіанскіе подвижники, отшельники, аскеты, настолько полно развивавшіе свой духъ, что крылья его еще при физической ихъ жизни уносили ихъ отъ грязной земли въ чистую лазурь небесъ, „какъ бы ангеловъ во плоти“? Но что было для святыхъ школой, гдѣ до твердости металла закалялась ихъ энергія? Главнымъ образомъ — богослуженіе и молитва. Мы вообще мало думаемъ, а потому плохо разбираемся въ оцѣнкѣ вещей и явленій. Мнѣ очень часто въ моменты наблюденія надъ легкомысліемъ молодежи по отношенію къ богослуженію и молитвѣ представляется, что для насъ храмы, спасшіе милліоны людей, жившихъ до насъ, и молитва, всегда облегчавшая тяжкіе

стоны земли и разсѣивавшая тотъ липкій и тлетворный туманъ зла, который окутываетъ весь міръ, лежащій— по выраженію апостола— во злѣ, для насъ все это является тѣмъ же, чѣмъ днѣ— когда для вандаловъ были драгоценныя созданія классическаго искусства и науки. Мы склонны говорить, что молитва обанкротилась, потерявши весь свой благотворный смыслъ. Но вѣдь можно говорить и иначе: *мы* обанкротились и потеряли способность находить истинный смыслъ въ жизни и въ ея явленіяхъ. Что вѣрнѣе? Да. Умомъ мы многое способны понять. Но нужно еще умѣть понимать чувствомъ и совѣстью. А какова совѣсть у людей XX вѣка? Совѣсть... „Вотъ она совѣсть!“— говоритъ М. Горькій, показывая крѣпко сжатый кулакъ. Развѣ это не банкротство наше?

Бдѣніе и молитва, конечно, не единственныя средства укрѣпленія воли, но они средства главныя, вѣрныя и горячія. Они не исчерпываютъ всѣхъ тѣхъ очень многообразныхъ мѣспріятій, какія необходимы въ дѣлѣ волевого воспитанія, но значеніе бдѣнія и молитвы, такъ сказать, принципиальное. Бдѣніе и молитва, какъ принципы, должны опредѣлять собою всѣ другіе способы воспитанія воли, должны окрашивать ихъ въ свой тонъ и освящать ихъ своимъ характеромъ. Поэтому мы и говоримъ здѣсь только о бдѣніи и молитвѣ и не говоримъ о другихъ средствахъ воспитанія воли. Послѣднія по отношенію къ первымъ— это лишь выводы по отношенію къ основаніямъ.

Въ прошлый разъ мы говорили, что если работой надъ укрѣпленіемъ воли поздно уже заниматься старшему поколѣнію духовенства, то пусть больше вниманія будетъ удѣлено этой работѣ въ младшемъ поколѣніи. Теперь мы хотѣли бы сугубо подчеркнуть эту мысль и тѣмъ усилить ее. Необходимо помнить, что вообще молодой возрастъ представляетъ для выработки характера больше благоприятныхъ условій. Многіе говорятъ, что въ зрѣломъ возрастѣ характеръ уже не можетъ подвергаться измѣненіямъ, какъ окаменѣлое дерево. Другіе говорятъ, что къ 28—30 годамъ характеръ формируется настолько опредѣленно, что если и можно его переработать въ дальнѣйшее время жизни человѣка, то только съ величайшимъ трудомъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: характеръ, какъ и желѣзо, нужно ковать тогда, когда онъ еще не остылъ, пока онъ гибокъ и упругъ, какъ молодой тростникъ, а не хрупокъ и ломокъ, какъ старая

и дряблая кость. Работой надъ волей и характеромъ нужно заниматься тогда, когда человѣкъ еще бодръ и свѣжъ духомъ, когда, выражаясь словами поэта,

„Страстями онъ себя не истиранилъ

И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,

И никакой туманъ еще не отуманилъ

Ни глазъ его, ни свѣтлый умъ.“

(Полонскій)

Н. Колосовъ.

Антонъ